

**ЧЕЛОВЕК
ПРЕСТУПНЫЙ**
КЛАССИКА
КРИМИНАЛЬНОЙ
ПСИХОЛОГИИ

УБИЙСТВО

**КАК ОДНО
ИЗ ИЗЯЩНЫХ
ИСКУССТВ**

**ТОМАС ДЕ
КВИНСИ**

Человек преступный. Классика криминальной психологии

Томас Де Квинси

**Убийство как одно
из изящных искусств**

«Алгоритм»

УДК 821.111-3
ББК 84(4Вел)-44

Де Квинси Т.

Убийство как одно из изящных искусств / Т. Де Квинси —
«Алгоритм», — (Человек преступный. Классика криминальной
психологии)

ISBN 978-5-906880-75-8

Английский писатель, ученый, автор знаменитой «Исповеди англичанина, употреблявшего опиум» Томас де Квинси рассказывает об убийстве с точки зрения эстетических категорий. Исполненное черного юмора повествование представляет собой научный доклад о наиболее ярких и экстравагантных убийствах прошлого. Пугающая осведомленность профессора о нашумевших преступлениях эпохи наводит на мысли о том, что это не научный доклад, а исповедь убийцы. Так ли это на самом деле или, возможно, так проявляется писательский талант автора, вдохновившего Чарльза Диккенса на лучшие его романы? Ответить на этот вопрос сможет сам читатель, ознакомившись с книгой.

УДК 821.111-3
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-906880-75-8

© Де Квинси Т.
© Алгоритм

Содержание

Убийство как одно из изящных искусств	6
Предупреждение особы, болезненно добродетельной	6
Лекция	8
Добавление к лекции «Убийство как одно из изящных искусств»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Томас де Квинси

Убийство как одно из изящных искусств

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

* * *

Убийство как одно из изящных искусств

Предуведомление особы, болезненно добродетельной

Многим из нас, книголюбам, вероятно, известно о том, что в прошлом веке сэром Фрэнсисом Дэшвудом было основано Общество Вспомоществования Пороку – Клуб Адского Огня¹. Существовало также и Общество по Воспреещению Добродетели, возникшее – если не ошибаюсь – в Брайтоне². Запрету подверглось само это общество, однако я должен с прискорбием объявить, что в Лондоне имеется клуб направления еще более возмутительного. По направленности своей этот клуб следовало бы наименовать Обществом Поощрения Убийств, однако сами его члены предпочитают изысканный эвфемизм – Общество Знатоков Убийства. Они не скрывают своего пристрастия к душегубству, провозглашают себя ценителями и поклонниками различных способов кровопролития – короче говоря, выступают любителями убийства. Каждый новый эксцесс подобного рода, заносимый в полицейские анналы Европы, они воспринимают и подвергают всестороннему обсуждению, как если бы перед ними была картина, статуя или иное произведение искусства. Впрочем, мне нет необходимости утруждать себя попытками описать деятельность названного общества: читатель гораздо полнее уяснит его себе сам из одной из ежемесячных лекций, прочитанной перед обществом в прошлом году. Лекция эта попала ко мне в руки случайно – вопреки неусыпной бдительности, с какой протоколы заседаний оберегаются от стороннего глаза. Обнародование документа вызовет у членов общества смущение, но именно эту цель я и преследую. Мне представляется гораздо более предпочтительным покончить с данной корпорацией мирно, без лишнего шума: лучше воззвать к мнению общественности, нежели разоблачением имен довести дело до апелляции к Боу-стрит³; в случае неудачи моего обращения я, впрочем, вынужден буду прибегнуть и к таковой мере. Приходящая мне беспредельная добродетель не позволяет мне мириться с подобным бесчинством в христианской стране. Даже в языческие времена терпимость по отношению к убийству – а именно жуткие представления, кои разыгрывались на арене перед амфитеатром, заполненным зрителями, – воспринималась христианским автором как самое вопиющее свидетельство упадка общественной морали. Этим автором был Лактанций⁴; его словами, здесь уместными как нельзя более, я и закончу. «*Quid tam horribile, – пишет он, – tam tetrum, quam hominis trucidatio? Ideo severissimis legibus vita nostra munitur, ideo bella execrabilia sunt. Invenit tamen consuetudo quatenus homicidium sine bello ac sine legibus faciat, et hoc sibi voluptas quod scelus vindicavit. Quod si interesse homicidio sceleris conscientia est, et eidem facinori spectator obstrictus est cui et admissor; ergo et in his gladiatorum caedibus non minus cruore profunditur qui special, quam ille qui facit; nec potest esse immunis a sanguine qui voluit effundi; aut videri non interfecisse, qui interfectori et favit et praemium postulavit*». «Что ужаснее, – вопрошает Лактанций, – чудовищней и возмутительней, нежели убиение человеческого существа? Вот почему жизнь каждого из нас оберегается предельно суровыми предписаниями, вот почему войны предаются проклятию из века в век. И однако обычаи Рима позволили изобрести способ узаконить убийство вне поля сражения, не считаясь с правосудием; и требования вкуса (*voluptas*) теперь сов-

---

¹ Клуб Адского Огня – клуб молодых аристократов, организованный Фрэнсисом Дэшвудом в XVIII столетии. Его члены отличались безудержной веселостью, дерзкими выходками, их религиозные воззрения были близки к атеизму.

² Брайтон – фешенебельный приморский курорт в графстве Сассекс, был особенно модным в XIX в.

³ Боу-стрит – главный уголовный полицейский суд в Лондоне (по названию улицы, где он находится).

⁴ Лактанций (даты жизни неизвестны) – латинский церковный писатель. Учитель красноречия в Никомедии. В Вифинии стал христианином во времена Диоклетиана (239–316). В своем сочинении «Книга о божественном установлении» проповедовал христианскую мораль.

падают с требованиями бесконечной вины». Пусть джентльмены-любители хорошенько поразмыслят над последним замечанием, и позвольте мне обратить их особо пристальное внимание на заключительную фразу – столь весомую, что я попробую передать ее по-английски: «Если простое присутствие при сцене убийства возлагает на человека бремя сообщничества, если быть пассивным зрителем значит делить вину с преступником, отсюда неизбежно следует, что рука, наносящая поверженному гладиатору роковой удар, ничуть не более обагрена кровью, чем рука того, кто бездейственно созерцает убийство; не может остаться не запятнанным кровью тот, кто лицезрел ее пролитие, и не могут не считаться соучастниками убийства те, кто рукоплещет злодею и требует для него награды». Я еще не слышал о «*praemia postulavit*»[«требует награды» (*лат.*)], присужденной джентльменам-любителям, членам лондонского сообщества, хотя их деятельность, несомненно, того заслуживает; но «*interfectori favit*»[«рукоплещет убийце» (*лат.*)] подразумевается самим названием их ассоциации и присутствует также в каждой строке нижеследующей лекции.

X. Y. Z.

Лекция

Господа!

Ваш комитет оказал мне большую честь, возложив на меня нелегкое поручение – прочесть посвященную Уильямсу лекцию на тему «Убийство как одно из изящных искусств». Задача эта могла показаться достаточно простой три-четыре столетия назад, когда названное искусство не встречало должного понимания и было представлено лишь немногими образцами, однако в наш век, когда профессионалы явили нам образцы подлинного совершенства, представляется очевидным, что публика имеет полное право ожидать соответственного улучшения и в стиле их критики. Теории и практике следует продвигаться вперед *rap passu* [в ногу друг с другом (*лат.*)]. Люди начинают понимать, что для создания истинно прекрасного убийства требуется нечто большее, нежели двое тупиц – убиваемый и сам убийца, а в придачу к ним нож, кошелек и темный проулок. Композиция, джентльмены, группировка лиц, игра светотени, поэзия, чувство – вот что ныне полагается необходимыми условиями для успешного осуществления подобного замысла. Мистер Уильямс высоко превознес для всех нас идеал убийства – тем самым усугубив, в частности, тяготы задачи, мною на себя возложенной. Подобно Эсхилу⁵ или Мильтону в поэзии, подобно Микеланджело в живописи, он довел свое искусство до пределов грандиозной величественности; и, по замечанию мистера Вордсворта, в определенном смысле «создал меру, согласно которой надлежит его судить». Уметь обрисовать, хотя бы в общих чертах, историю данного искусства или дать взвешенную оценку основополагающим его принципам вменяется теперь в обязанность и знатокам и судьям, резко отличающимся от тех судей, что входят в состав суда присяжных его величества.

Прежде чем приступить к делу, позвольте мне обратиться с кратким словом к иным педантам, пытающимся изобразить наше сообщество как до определенной степени безнравственное. Безнравственное! Да сохранит меня Юпитер, джентльмены, что разумеют они под этим словом? Я сам горой стою за добродетель – я всегда буду на стороне высокой нравственности и так далее; я со всей решимостью утверждаю – и не отступлюсь от своих слов (чего бы мне это ни стоило), – что убийство выходит за рамки приличного поведения, и даже весьма далеко; я не побоюсь заявить во всеуслышание, что практика убийств, несомненно, проистекает из крайне извращенного образа мыслей, будучи следствием в корне ошибочных принципов; я как нельзя более далек от споспешествования планам преступника посредством указания ему убежища, где прячется несчастная жертва (хотя великий немецкий моралист [Имеется в виду Кант – простиравший непомерно строгие требования безусловной правдивости вплоть до нижеследующего: он полагал, что человек, ставший свидетелем того, как невинной жертве удалось ускользнуть от злодея, обязан, на вопрос последнего, сказать ему правду и указать место, где затаился спасшийся, как бы ни был он уверен, что тем самым навлекает на несчастного неминуемую гибель. Дабы описанная доктрина не была сочтена рожденной случайно, в пылу спора, почтенный философ, в ответ на упреки знаменитого французского писателя, торжественно подтвердил свою точку зрения, подкрепив ее основательной аргументацией. (*Примеч. автора.*)] и полагает такую откровенность долгом каждого честного человека); я охотно готов пожертвовать на поиски злоумышленника один шиллинг и шесть пенсов, что на целых восемнадцать пенсов превышает сумму, пожертвованную доныне на эти цели даже виднейшими из когда-либо живших на свете ревнителей нравственности. Но что из того? Все в мире имеет два полюса. Убийство, к примеру, можно рассматривать с позиций морали (по преиму-

---

⁵ Эсхил (525–456 гг. до н. э.) – древнегреческий драматург, «отец трагедии», написал не менее восьмидесяти драм, из которых до нас дошли только семь. Наиболее известные из них – трилогия «Орестея» и «Прикованный Прометей».

ществу с кафедры проповедника или же в здании Олд-Бейли⁶); в этом, надо признаться, заключается его уязвимая сторона; однако оно же вполне может рассматриваться согласно терминологии немецких философов и как эстетическое явление – то есть подлежащее суду хорошего вкуса.

Для иллюстрации данного положения позволю себе опереться на авторитет трех светил, а именно – С. Т. Колриджа, Аристотеля и мистера Хаушица, хирурга. Начнем с первого из них. Однажды вечером, много лет тому назад, мы с ним пили чай на Бернерс-стрит⁷ (кстати сказать, для столь короткой улицы она породила удивительно много гениев). Собралась целая компания: ублажая бrenную плоть чаем с гренками, мы жадно внимали аттическому красноречию С. Т. К.⁸, пустившегося в пространные рассуждения о Плотине⁹. Вдруг раздался возглас: «Пожар! Пожар!» – и все мы, наставник и ученики, Платон¹⁰ и ученики, поспешно высыпали наружу в предвкушении захватывающего зрелища. Пожар случился на Оксфорд-стрит, в доме фортепьянного мастера; судя по всему, огонь внушал немалые надежды – и я не без сожалений принудил себя покинуть компанию мистера Колриджа, прежде чем события успели разыгаться по-настоящему. Неделью спустя, повстречав нашего Платона, я напомнил ему о недавнем происшествии и выразил нетерпеливое желание услышать о том, каким оказался финал этого многообещающего зрелища. «А! – проговорил мой собеседник. – Хуже некуда: мы все дружно плевались». Что ж, неужели кто-то способен предположить, будто мистер Колридж (невзирая на тучность, мешающую ему отличиться в деятельном подвижничестве, он все же бесспорно является добрым христианином), неужели, спрашиваю, достойнейший мистер Колридж может быть сочтен прирожденным поджигателем, способным желать зла бедняге фортепьянному мастеру, а равно и его изделиям (многие из них, несомненно, с дополнительными клавишами)? Напротив, мистер Колридж известен мне как человек, который охотно (тут я жизнь готов прозакладывать) принял бы – в случае необходимости – качать насос пожарной машины, хотя редкая дородность плохо приспособила его для столь сурового испытания его добродетели. Как, однако, обстояло дело? На добродетель спроса не было. С прибытием пожарных машин вопросы морали всецело были препоручены страховому ведомству. А раз так, то мистер Колридж имел полное право вознаградить свои художественные склонности. Он оставил чай недопитым: что же, он ничего не должен был получить взамен?

Я утверждаю, что даже самый наидобродетельнейший человек, если принять во внимание вышеизложенные посылки, вправе был вволю насладиться пожаром или освистать его, как он поступил бы, оказавшись зрителем любого другого представления, которое возбудило бы у публики ожидания, впоследствии обманутые. Обратимся к другому великому авторитету: что говорит по этому поводу Стагирит?¹¹ В пятой, помнится, книге «Метафизики»¹² описывается совершенный вор; а что до мистера Хаушица, то он в своем трактате о несварении желудка,

⁶ Олд-Бейли – центральный уголовный суд в Лондоне (по названию улицы, где он находится).

⁷ Здесь располагалась таверна, в которой часто собирались поэты и художники в XVIII – начале XIX в.

⁸ Так Колридж подписывал свои ранние произведения, и так он часто себя называл. В юности он записался в драгуны, расшифровав эти инициалы как Сайлас Томкин Камбербек.

⁹ Плотин (204–270 гг. н. э.) – греческий философ-платоник, основоположник неоплатонизма. Здешний мир для него – одно из отражений единой мировой души.

¹⁰ Платон (427–347 гг. до н. э.) – древнегреческий философ, родоначальник идеализма, одного из главных направлений в античной философии. Основной метод его учения – диалектика, противопоставленная софистике. Согласно теории «Идей» Платона – идея первична, а материя вторична. Платон утверждает тезис о непознаваемости идей для человека и непознаваемости мира идей для божества.

¹¹ Стагирит – Аристотель (384–322 гг. до н. э.), происходивший из города Стагира на восточном побережье полуострова Халкидики, древнегреческий философ и ученый-энциклопедист. Основатель перипатетической школы. Преподавал в Академии Платона.

¹² «Метафизика» – II часть курса лекций Аристотеля. (I часть – «Физика»). Предмет «первой философии» состоит из двух вариантов: а) общая метафизика изучает сущее, б) частная метафизика изучает неподвижную субстанцию или «вечный перводвигатель».

нимало не обинуясь, с нескрываемым восхищением отзывается о виденной им язве, определяя ее как «прекрасную». Что ж, неужели кто-нибудь всерьез предположит, будто, рассуждая отвлеченно, Аристотель мог бы счесть вора достойной личностью, а воображение мистера Хаушипа могло плениться видом язвы? Аристотель, как хорошо известно, отличался столь высокой нравственностью, что, не удовлетворившись написанием «Никомаховой этики» *in octavo* [в восьмую долю листа (*лат.*)], тут же разработал другую систему под названием «*Magna Moralia*» или «Большая этика». Трудно поверить, что создатель учения об этике – большой или малой – стал бы восторгаться вором *per se* [как таковым (*лат.*)]; мистер Хаушип же открыто ополчился войной против всех и всяческих язв – и, отнюдь не собираясь поддаваться их чарам, решительно вознамерился бесповоротно изгнать их за пределы графства Миддлсекс. Истина, однако, заключается в том, что, невзирая на свою предосудительность *per se* – в сравнении с другими представителями своего класса, и вор и язва вполне могут обладать бесчисленными градациями достоинств. Сами по себе и вор и язва являются изысками, это справедливо; но поскольку сущность их состоит в совершенстве, то именно непомерное несовершенство и превращает их в нечто совершенное. *Spartam nactus es, hanc exorna* [Достигнув Спарты, укрась ее (*лат.*)]. Вор, подобный Автолику¹³ или знаменитому некогда Джорджу Бэррингтону; чудовищная гнойная язва, великолепное созревание которой должным образом проходит через все естественные стадии, ничуть не менее может претендовать на роль образцового представителя своего класса, нежели среди цветов – самая безукоризненная мускусная роза, готовая превратиться из бутона в «яркий распустившийся цветок», а среди цветов человечества – обаятельная юная красавица во всем великолепии женственности. Итак, можно вообразить себе не только идеал чернильницы (как это продемонстрировал мистер Колридж в своей прославленной переписке с мистером Блэквудом¹⁴); в этом, кстати, усмотреть большую заслугу трудно: ведь чернильница – в высшей степени достойный хвалы предмет и почтенный член общества; нет, само несовершенство способно достигать идеального, совершенного состояния.

Воистину, джентльмены, я должен просить у вас прощения за то, что злоупотребил философскими выкладками; позвольте же теперь применить их к действительности. Когда убийство грамматически находится еще в футурум перфектум¹⁵, пока оно еще не свершено и даже (согласно новомодному пуристическому обороту) не находится в процессе свершения, но лишь предполагает быть свершенным – и слух о замышляемом покушении только достигает наших ушей, давайте всенепременно подходить к нему исключительно с моральной точки зрения. Однако представьте, что убийство уже осуществлено, приведено в исполнение, – «Кончено» или (повторив мощную молосскую стопу Медеи¹⁶) – «Так, вот все»; если кровопролитие сделалось *fait accompli* [свершившимся фактом (*фр.*)]; если злосчастная жертва уже избавлена от страданий, а повинный в этом негодяй удрал неведомо куда; допустим даже, что мы не пожалели сил, стремясь его задержать, и подставили ему подножку, но тщетно: «*abiit, evasit, excessit, erupit, etc.*» [«ушел, ускользнул, удалился, вырвался и т. д.» (*лат.*)] – какой прок тогда, спрошу, от добродетели? Морали отдано должное; настает черед Тонкого Вкуса и Изыщных Искусств. Произошло прискорбное событие – что и говорить, весьма прискорбное; но сделанного не поправить – мы, во всяком случае, тут бессильны. А посему давайте извлечем из случившегося хоть какую-то пользу; коли данное происшествие нельзя поставить на службу

¹³ Автолик – в греческой мифологии ловкий разбойник на Парнасе. От своего отца Гермеса получил дар плутовства, способность становиться невидимым или принимать любой облик. Внуком Автолика был хитроумный Одиссей.

¹⁴ Мистер Блэквуд – организатор известного литературного журнала начала XIX столетия «Блэквудский журнал» («Блэквуд мэгэзин»).

¹⁵ Футурум перфектум (*лат.*: будущее совершенное) – грамматическое время глагола, означающее, что действие обязательно произойдет в будущем.

¹⁶ Медея – в греческой мифологии волшебница, дочь царя Колхиды. Миф о Медее связан с мифом об аргонавтах. Медея помогает их вождю Ясону преодолеть испытания, которым героя подверг ее отец.

моральным целям, будем относиться к нему чисто эстетически – и посмотрим, не обнаружится ли в этом какой либо смысл. Такова логика благоразумного человека, и что из этого следует? Осушим слезы – и найдем утешение в мысли о том, что хотя само деяние, с моральной точки зрения, ужасно и не имеет ни малейшего оправдания, оно же, с позиций хорошего вкуса, оказывается весьма достойным внимания. Таким образом; все довольны; справедливость старинной поговорки «Нет худа без добра» доказана в очередной раз; недовольный любитель, раздосадованный было введливостью моралиста, приободряется и находит себе поживу: торжествует всеобщее оживление. Искус миновало: отныне главенствует Искусство (различие между двумя этими словами столь невелико, что ни судить, ни рядить, право, не стоит) – Искусство, я повторяю, и Вкус получают основания позаботиться о своих интересах. Руководствуясь этим принципом, джентльмены, я и предполагаю заняться исследованием – от Каина до мистера Тертелла Давайте же вместе, рука об руку, восхищенно обойдем внушительную галерею убийств, где выставлены наиболее примечательные достижения в занимающей нас области, и я постараюсь привлечь ваше внимание к заслуживающим критического рассмотрения образцам.

Первое в истории убийство известно всем и каждому. Как изобретатель убийства и основоположник данного вида искусства, Каин был, по-видимому, выдающимся гением. Все Каины обладали гениальностью. Тувалкаин¹⁷ изобрел орудия из меди и железа или что-то вроде того. Но каковы бы ни были оригинальность и одаренность этого художника, все искусства находились тогда еще во младенчестве – и для верной критической оценки произведения, вышедшего из той или иной студии, крайне важно помнить об этом обстоятельстве. Даже изделия Тувала вряд ли нашли бы в наши дни одобрение в Шеффилде¹⁸; равным образом не умалит достоинств Каина-старшего и признание посредственности им достигнутого. Мильтон, впрочем, придерживался, по всей очевидности, противоположного мнения. Судя по избранной им повествовательной манере, к данному убийству он был особенно неравнодушен; ибо явно позаботился о должной картинности описания:

Завистник втайне злобой закипел,
Беседуя, ударил камнем в грудь
Соперника. Смертельно побледнев,
Пастух упал, и хлынула струя
Кровавая и душу унесла¹⁹.

Художник Ричардсон²⁰, восприимчивый к живописным эффектам, в «Замечаниях о „Потерянном Рае“» (с. 497) указывает: «Принято думать, – пишет он, – что Каин, как говорится, вышиб дух из единокровного брата при помощи огромного камня; Мильтон не оспаривает предания, однако добавляет от себя обширную кровоточащую рану». Этот дополнительный штрих весьма и весьма уместен, ибо примитивная бедность и грубость использованного орудия – без необходимого тут теплого, полнокровного колорита – слишком уж выдают первобытно-упрощенный стиль дикарской школы, как если бы деяние бездумно совершил некий Полифем²¹, выказавший себя полным профаном и не имевший под рукой никакого другого инструмента, кроме бараньей кости. Внесенное улучшение меня, однако, глубоко радует, поскольку свидетельствует о том, что Мильтон был знатоком. А еще лучшим, непревзойден-

¹⁷ *Тувалкаин* – «отец всех кузнецов», сын потомка Каина – Ламеха. Он имеет демонический характер и обладает магическими способностями, связанными с его профессией.

¹⁸ *Шеффилд* – один из старейших промышленных городов Великобритании.

¹⁹ *Мильтон*. Потерянный Рай, кн. XI, строфа 605–606. Перев. А. Штейнберга.

²⁰ Ричардсон Уильям (1740–1820), ирландский художник, по преимуществу пейзажист.

²¹ *Полифем* – в греческой мифологии циклоп, сын Посейдона и нимфы Тоосы, страшный и кровожадный великан с одним глазом, пастух, живущий в горной пещере.

ным остается, конечно же, Шекспир: достаточно напомнить описанные им убийства Дункана²², Банко²³ и прочих; но выше всего стоит несравненная миниатюра в «Генрихе VI», изображающая убитого Глостера²⁴.

[Указанный отрывок (во второй части «Генриха VI», акт III) примечателен вдвойне: во-первых, обдуманной верностью природе, даже если описание преследовало бы исключительно поэтический эффект; во-вторых, приданной описанию юридической ценности, поскольку оно совершенно очевидным образом предназначено здесь косвенно подтвердить и законно обосновать страшный слух, внезапно распространившийся, о том, что Великий герцог, облеченный государственной властью, пал жертвой преступления. Герцог Глостер, преданный опекун и любящий дядя простоватого, слабоумного короля, найден в постели мертвым. Как истолковать случившееся? Постигла герцога естественная кончина от руки Провидения – или же он пал жертвой насилия со стороны врагов? Разбившиеся на два лагеря придворные толкуют многочисленные улики в прямо противоположном смысле. Привязчивый, сокрушенный горем юный король, находясь в положении, которое едва ли не обязывает его к беспристрастности, не в силах тем не менее скрыть обуревающих его подозрений относительно стоящего за этим адского тайного сговора. Чувствуя это, главарь злоумышленников стремится ослабить воздействие, оказываемое на умы прямодушием монарха, переживания которого встречают живой и горячий отклик у лорда Уорика. Какой пример, спрашивает он, разумея под примером не пример в смысле иллюстрации, как неизменно предполагали легкомысленные комментаторы, а в обычном схоластическом смысле – какие примеры и доводы может лорд Уорик привести в подтверждение «ужасной, торжественной клятвы» – клятвы, неопровержимость которой Уорик сравнивает только с подлинностью своих упований на жизнь вечную:

Так я уверен, что рукой насилья
Погублен трижды славный герцог Глостер²⁵.

По видимости, вызов направлен против Уорика, однако на деле предназначен для короля. В ответ Уорик строит свое обоснование не на развернутой системе доводов, но на скорбном перечне метаморфоз, происшедших в облике герцога после кончины: они несовместимы ни с каким другим предположением, кроме одного: смерть его была насильственной. Чем я могу доказать, что Глостер пал от руки убийц? Да вот, ниже приводится реестр перемен, коснувшихся головы, лица, глаз, ноздрей, рук и прочего; такое случается вовсе не с каждым мертвецом, но только с теми, кто стал жертвой насилия:

Его ж лицо, смотри, черно от крови,
Глаза раскрыты шире, чем при жизни,
Как у задушенного, смотрят жутко.
Раздуты ноздри, дыбом волоса,
А руки врозь раскинуты, как будто
За жизнь боролся он и сломлен был.
Смотри: пристали волосы к подушке,
Окладистая борода измята,
Как рожь, прибитая жестокой бурей.
Что он убит – не может быть сомненья:

²² См.: Шекспир. Макбет, акт II, сц. I.

²³ См.: Шекспир. Макбет, акт II, сц. 6.

²⁴ См.: Шекспир. Генрих VI, часть II, акт III, сц. 2.

²⁵ Перев. Е. Бируковой.

Здесь каждый признак – тяжкая улика.

Логика данной ситуации не позволяет ни на минуту забывать, что все перечисляемые симптомы могут быть убедительными, только если являются строго диагностическими. Искомое разграничение проводится между смертью от естественных причин и смертью насильственной. Все указания сомнительного и двойственного характера будут, следовательно, чуждыми и бесполезными для целей, преследуемых шекспировским описанием. (*Примеч. автора.*)]

После того как однажды были заложены основы искусства, тем более прискорбно наблюдать, как оно веками дремало, не подвергаясь дальнейшему совершенствованию. В сущности говоря, я просто-напросто вынужден буду сбросить со счетов все убийства (сакральные и профанные), совершенные до и немалое время после наступления христианской эры, ибо они решительно не стоят ни малейшего внимания. В Греции, даже в век Перикла²⁶, не произошло ни одного сколько-нибудь примечательного убийства – во всяком случае, история об этом умалчивает, а Рим ни в одной области искусства не обладал той оригинальностью, которая позволила бы ему преуспеть там, где потерпел поражение его образец.

[В пору написания этих строк я придерживался на сей счет общепринятого взгляда. Первопричина моего заблуждения – необдуманность. Вникнув в дело глубже, я нашел серьезные основания для пересмотра прежнего мнения: ныне я убежден, что римляне, имевшие возможность состязаться в том или ином виде искусства с соперником, вправе хвалиться достижениями, не уступающими по силе, свежести и самобытности лучшему из наследия Эллады. Как-нибудь я попытаюсь изложить эту точку зрения более развернуто – в надежде обратить читателя в свою веру. А пока спешу решительно опровергнуть вековое ослепление, начало которому было положено льстивым угодничеством придворного поэта Вергилия²⁷. С низким желанием потворствовать Августу²⁸ в его мстительной ненависти к Цицерону²⁹ и в словах «ornabunt Caucas melius» [«они будут лучше украшать Кавказ» (*лат.*)] противопоставляя всех афинских ораторов всем римским, Вергилий не погнушался огульно поступиться справедливыми притязаниями своих соотечественников вкупе. (*Примеч. автора.*)]

Латинский язык не выдерживает самой идеи убийства. «Он умерщвлен» – как это звучит по-латыни? *Interfectus est, interemptus est* – тут подразумевается простое лишение жизни; отсюда в средневековой христианской латыни возникла необходимость изобрести новое слово, возвыситься до которого вялость классических представлений была не в состоянии.

Murdratus est – возглашает более возвышенный язык – готических веков. Между тем иудейская школа убийства сохраняла в действии секреты мастерства, постепенно передавая их в ведение западного мира. Иудейская школа оставалась поистине на высоте призвания – даже в эпоху средневековья, что доказывается делом Хью из Линкольна, заслужившим одобрение со стороны самого Чосера в связи с другим выступлением той же школы, который в своих «Кентерберийских рассказах» вкладывает историю об этом в уста госпожи настоятельницы.

Вновь ненадолго обращаясь к классической античности, должен признать, что Каталина³⁰, Клавдий³¹ и еще кое-кто из этой компании могли бы стать первоклассными виртуозами;

²⁶ Перикл (V в. до н. э.) – афинский государственный деятель. Утверждал необходимость демократического правления в Афинах. Во внешней политике стремился к гегемонии Афин над всей Грецией. Перикл получил высшую верховную власть в государстве, которую сохранял до самой смерти. Век его правления был временем наивысшего расцвета греческой культуры.

²⁷ Вергилий Марон Публий (70–19 гг. до н. э.) – римский поэт. Его творчество сформировалось под воздействием эпикурейской проповеди ухода в частную жизнь. Основные произведения – «Буколики» (42–38 гг. до н. э.) и «Георгики» (36–29 гг. до н. э.), а также «Энеида».

²⁸ Август Кай Юлий Цезарь Октавиан (63–14 гг. до н. э.) – выдающийся политик и полководец, покровитель философии и искусств.

²⁹ Цицерон Марк Туллий (106–43 гг. до н. э.) – знаменитый государственный деятель и оратор Рима.

³⁰ Каталина Люций Сергий (108–62 гг. до н. э.) – глава названного его именем заговора в Риме. Пытался захватить кон-

достойно также всяческого сожаления, что из-за педантизма Цицерона Рим лишился единственного шанса снискать заслуги в данной области. Более подходящего объекта для убийства, чем он сам, на свете просто не отыскать. О Близнецы! Какой вопль испустил бы он с перепугу, обнаружив Цетега у себя под кроватью. Послушать его было бы истинным развлечением – и я, джентльмены, ничуть не сомневаюсь, что он предпочел бы *utile* (полезность) сокрытия в клозете (или даже в клоаке) *honestum* (добродетели) непосредственного столкновения с бес-трепетным художником.

Обратимся теперь к сумрачным временам средневековья (блюдя точность, мы разумеем здесь *par excellence* [по преимуществу (*фр.*)] десятый век как наиболее темный – и два примыкающих к нему столетия до и после; следственно, самая глухая полночь длилась с 888 года по 1111-й): данная эпоха естественным образом должна была благоприятствовать искусству убивать столь же, сколь она благоприятствовала церковной архитектуре, витражному мастерству и так далее; соответственно, к концу данного периода явился великий представитель нашего искусства (я имею в виду Человека с Горы). Он был подлинным светочем – и мне нет нужды напоминать, что сам термин «ассасины»³² восходит к нему. Он был столь страстным любителем, что однажды, когда на его собственную жизнь покусился приближенный, выказанный последним талант привел его в полный восторг и, даже несмотря на провал художника-исполнителя, он на месте был произведен в герцоги, с дарованием последующего имущественного права по женской линии и назначением пенсии на три пожизненных срока. Убийства по политическим мотивам – область нашего искусства, требующая особого внимания; не исключено, что я посвящу ей отдельную лекцию. Замечу в скобках об одной странности: данная разновидность процветает спорадически, бурными вспышками. Стоит заронить искру – вспыхивает пожар. Наша эпоха также дала превосходные примеры: возьмем хотя бы выпад Беллингема³³ против премьер-министра Персиваля, случай с герцогом Беррийским³⁴ в парижской Опере, происшествие с маршалом Бессьером в Авиньоне³⁵; а приблизительно два с половиной столетия тому назад заблистало воистину великолепное созвездие убийств названного разряда.

Нетрудно догадаться, что речь идет о семи несравненных свершениях – об убийстве Вильгельма I Оранского³⁶ и трех французских Генрихов, а именно: герцога Гиза³⁷, неравнодуш-

---

сультскую власть, свергнув олигархию. Совершив неудачное покушение на одного из консулов – Цицерона, он попытался про-
рваться в Галлию, но потерпел поражение и пал в битве при Пистории в феврале 62 г.

³¹ Имеется в виду Тиберий Клавдий Друз, четвертый римский император (41–54 гг. до н. э.).

³² *Ассасины* – политико-религиозная секта у мусульман, игравшая огромную роль во времена крестовых походов в Персии и Палестине на протяжении двух столетий. Основатель секты – Гассан – шиит-фанатик, собиравший с 1081 г. вокруг себя смелых воинов, задачей которых было уничтожение неверных, даже ценой собственной жизни. Орден подразделялся на несколько колен, во главе одного из которых одно время стоял шейх уль Джибаль. На западе его называли Старцем или Человеком с Горы.

³³ *Беллингем Ричард* (1592–1672) – губернатор Массачусетса с 1639 г. В 1641 г. после смерти своей жены он вступил во второй брак, но был преследуем по закону, потому что сам осуществил брачную церемонию. В 1664 г. Иаков (Джеймс) II вызвал его в Англию, так как он отказался добровольно уйти с поста массачусетского губернатора и потребовал объяснения его поведения. Верховный суд, однако, не подчинился требованиям короля и подтвердил право Беллингема на губернаторство.

³⁴ *Герцог Беррийский Шарль Фердинанд* из династии Бурбонов (1778–1820). В 1789 г. бежал вместе с родителями в Турин, сражался против революционной Франции. После его вступления в брак с дочерью Франциска I Неаполитанского возникла надежда на продолжение старшей линии Бурбонов. Но фанатик, мечтавший помешать вступлению Бурбонов на французский престол, совершил на него покушение и убил ножом при выходе из театра.

³⁵ *Бессьер Жан-Батист* – герцог Истрии (1768–1813). Вступив в армию как рядовой, он был вскоре повышен в чине, прошел Испанскую и Итальянскую кампании и привлек внимание Наполеона, который сделал его командующим гвардией. Отличился при Маренго и в 1804 г. был произведен в маршалы Франции, через год стал командующим кавалерией. В 1812 г. прикрывал отход наполеоновской армии из Москвы. Был убит при Лютцене.

³⁶ *Вильгельм I Оранский* – штатгальтер Голландии (1533–1584), один из героев борьбы за освобождение Нидерландов от испанского господства. 10 июля 1584 г. был убит фанатически настроенным католиком Бальтазаром Жераром.

³⁷ *Герцог Гиз* – Гиз Генрих, один из претендентов на французский престол, создатель католической лиги, организатор истребления гугенотов-протестантов в мае 1588 г. Это событие вошло в историю под названием «Варфоломеевская ночь». Герцог Гиз получил звание генерального наместника. 23 декабря 1589 г. он был убит в приемной короля Генриха III.

ного к королевскому трону Франции; Генриха III³⁸, последнего из занимавших этот трон представителей династии Валуа; и, наконец, Генриха IV³⁹, его шурина, взойшедшего вслед за ним на престол, – основоположника династии Бурбонов; восемнадцать лет спустя список пополнился пятым именем – именем нашего соотечественника, герцога Букингемского⁴⁰ (прекрасно описанного в письмах, опубликованных сэром Генри Эллисом⁴¹ из Британского музея), далее добавился король Густав Адольф⁴², а седьмым стал Валленштейн⁴³. Что за дивная плеяда убийств! Наше восхищение только возрастет оттого, что эта блистательная череда артистических шедевров, включающая трех величеств, трех высочеств и одно превосходительство, уместилась в самом непродолжительном отрезке времени – с 1588-го по 1635 год. Убийство шведского короля ставится, между прочим, под сомнение многими авторами – Хартом в том числе, однако все они заблуждаются. Король был убит – и я считаю это убийство, редкое по совершенству исполнения, единственным в своем роде: его лишили жизни в полдень, на поле битвы; здесь проявилась оригинальность стиля, какой мне не приходилось встречать ни в одном известном мне произведении искусства. Задумать тайное убийство по личным мотивам и сделать его скромной вставкой в обширной раме многолюдного побоища – право же, этот прием равносильен утонченному замыслу Гамлета разыграть трагедию внутри трагедии⁴⁴. Несомненно, все вышеперечисленные душегубства должны быть с немалой пользой изучены хорошо осведомленным ценителем. Все они представляют собой образцы, примеры для подражания, о которых можно сказать: «Nocturna versate manu, versate diurna» [«Листайте днем и ночью» (*лат.*)⁴⁵] (в особенности nocturna).

Убийства особ королевской крови и государственных деятелей большого недоумения не вызывают: от их смерти нередко зависят важные общественные перемены; занимаемое ими высокое положение уже само по себе привлекает взор художника, охваченного жадой сценического эффекта. Существует, однако, и с первых десятилетий семнадцатого века получает все большее распространение еще одна разновидность убийств, вызывающая у меня неподдельное изумление: я имею в виду убийство философов. Неоспоримым фактом, джентльмены, является то, что всякий философ, стяжавший известность за последние двести лет, был либо убит, либо чудом избежал гибели; таким образом, если на человека, называющего себя философом, ни разу не совершалось покушения, будьте уверены, что он пуст как орех; философию Локка⁴⁶ очевиднее всего опровергает (если только требуется какое-либо опровержение) то обстоятель-

³⁸ *Генрих III Валуа* (1551–1589) – король Франции. Занял престол после смерти своего брата Карла IX. Вел борьбу с гугенотами и с католической лигой своего кузена герцога Гиза, с которой был вынужден подписать договор. После восстания в Париже пытался бежать в армию гугенотов к Генриху, королю Наваррскому, но 10 августа 1589 г. был заколот доминиканским монахом-фанатиком Жаком Клеманом. С его смертью прекратилась династия Валуа.

³⁹ *Генрих IV Бурбон* – король Франции и Наварры (1533–1610), первый король Бурбонской династии, был женат на сестре Карла IX Маргарите Валуа, через шесть дней после свадьбы пережил в Париже кровавые события Варфоломеевской ночи. Вскоре после этого бежал из Парижа и встал во главе гугенотов, возвратившись к протестантизму. После смерти Генриха III стал королем Франции. 14 мая 1610 г. был заколот Равальяком.

⁴⁰ *Герцог Букингемский* – Джордж Виллберс (1592–1628), придворный Иакова I и Карла I Стюартов. Война с Испанией и Францией под руководством Букингема привела Англию к поражению. Озлобление народа против него росло, и в 1628 г. он был убит лейтенантом Фельтоном.

⁴¹ *Генри Эллис* (1794–1872) – английский филолог, занимался в основном фонетикой английского языка. Ему принадлежит также несколько сочинений по математике.

⁴² *Густав Адольф* – король Швеции (1594–1632), герой Тридцатилетней войны, видный политический деятель. Погиб во время битвы при Люцерне 16 ноября 1632 г. Протестанты сохраняют о нем память как о мученике за веру.

⁴³ *Валленштейн Альбрехт Венцеслав* (1583–1635) – имперский генералиссимус во время Тридцатилетней войны. Был убит наемниками по приказу императора Густава Адольфа.

⁴⁴ Принц Гамлет устраивает во дворце Эльсинора представление пьесы «Убийство Гонзаго», воспроизводя на сцене обстоятельства гибели своего отца, чтобы уличить короля Клавдия в братоубийстве.

⁴⁵ *Гораций*. Поэтическое искусство.

⁴⁶ *Локк Джон* (1632–1704) – английский философ и политический мыслитель. Разработал эмпирическую теорию познания и доктрину либерализма в политике.

ство, что на протяжении семидесяти двух лет никто не снизошел до того, чтобы перерезать ему глотку. Поскольку истории с философами не слишком известны, хотя в целом они весьма содержательны и хорошо скомпонованы, я позволю себе экскурс в данную область преимущественно с целью продемонстрировать собственную эрудицию.

Первым великим философом семнадцатого столетия (если исключить Бэкона и Галилея) был Декарт⁴⁷; говоря о тех, кто был на волосок от гибели и чудом избежал насильственной смерти, нельзя не вспомнить и о нем. Дело, согласно описанию, приведенному Байе в его книге «Жизнь Декарта» (т. I, с. 102–103), обстояло следующим образом. В 1621 году (в возрасте двадцати шести лет) Декарт, как обычно, путешествовал (он был непоседлив как гиена) – и, достигнув Эльбы⁴⁸ либо близ Глюкштадта⁴⁹, либо возле Гамбурга, отплыл в Восточную Фрисландию. Что ему понадобилось в Восточной Фрисландии⁵⁰ – одному Богу известно; возможно, он и сам над этим задумался, ибо, добравшись до Эмдена⁵¹, решил немедленно отправиться в Западную Фрисландию: не желая задерживаться, он нанял барку с несколькими матросами. В открытом море его ждало приятное открытие: выяснилось, что он отдал себя добровольно во власть разбойников. Команда, по словам Байе, состояла из отпетых негодяев – «des scélérats»: не любителей, каковыми являемся мы с вами, джентльмены, но профессионалов, первейшим побуждением которых было поскорее перерезать лично ему глотку. История эта доставляет столько удовольствия, что я переведу рассказ французского биографа полностью:

«Господина Декарта сопровождал только один слуга, с которым он беседовал по-французски. Матросы приняли Декарта за иностранца и, посчитав его не дворянином, а торговцем, заключили, что он при деньгах. Задуманный план действий не сулил ничего хорошего кошельку путешественника. Разница, однако, между морскими разбойниками и разбойниками лесными заключается в том, что последние могут без опаски сохранить жизнь своим жертвам, тогда как первые не отважатся высадить пассажира на берег, не подвергая себя риску быть разоблаченными. Провожатые Декарта приняли все меры к тому, чтобы предотвратить подобную неприятность.

Они не преминули подметить, что приехал он издалека, знакомых в здешних краях у него наверняка нет и никто не возьмет на себя труд пуститься в расспросы в том случае, если путник не доберется до места назначения (*quand il viendrait à manquer*). Представьте, джентльмены, как эти фрисландские молодчики судачат о философе, словно это бочонок рома, предназначенный для какого-то судового маклера. Нрав у него, толковали они, тихий и скромный – и, судя по мягкости и вежливости в обращении с ними же самими, они заключили, что перед ними всего лишь зеленый юнец, без кола и двора, расправиться с которым не составит труда. Негодяи без стеснения обсуждали затеянное в присутствии самого Декарта, думая, что он не понимает никакого другого языка, кроме того, на каком беседовал со слугой; в конце концов, они твердо вознамерились убить его и бросить труп в море, а добычу разделить поровну».

Простите, джентльмены, мою веселость: право, я не в силах удержаться от смеха, вспоминая об этой истории. Две подробности кажутся мне особенно забавными: во-первых, панический ужас, или «перепуг» (как выражаются воспитанники Итона), охвативший Декарта, когда он услышал о готовящемся спектакле, который должен был завершиться его смертью, похоро-

⁴⁷ Декарт Рене (лат. Картезиус) (1596–1650) – французский философ, физик и математик. Представитель классического рационализма. Основные сочинения – «Рассуждения о методе» (1637), «Метафизические размышления» (1641), «Начала философии» (1644).

⁴⁸ Эльба – одна из важнейших рек Германии, связанная каналами с Балтийским морем.

⁴⁹ Глюкштадт – город в Прусском округе Шлезвиг на Эльбе, является портовой частью Гамбурга. Построен в 1616 г. В XVII в. служил местом для складов исландских товаров.

⁵⁰ Фрисландия – северо-западная провинция Нидерландов на берегу Немецкого моря. Богата каналами и рыбными озерами. Жители Фрисландии говорят на особом наречии.

⁵¹ Эмден – город в Восточной Фрисландии в трех километрах от реки Эмс. Гавань Эмдена вмещает большое количество судов.

нами – и дележкой унаследованного имущества. Еще потешней кажется допущение, что если бы эти фрисландские гончие настигли добычу, то у нас не было бы никакой картезианской философии; каким же образом мы бы без нее обходились, если вспомнить о горах посвященных ей томов, – предоставляю заключить любому почтенному хранителю старых книг.

Однако продолжим: невзирая на страшный перепуг, Декарт выказал готовность к борьбе, чем и поверг разбойных антикартезианцев в благоговейный трепет. «Обнаружив, – продолжает господин Байе, – что дело нешуточное, господин Декарт мигом вскочил на ноги и самым резким тоном, явившимся для этих трусов полной неожиданностью, обратился к ним на их языке и пригрозил пустить в ход шпагу, буде те осмелятся нанести ему оскорбление». Поистине, джентльмены, для столь ничтожных проходимцев было бы совершенно незаслуженной честью оказаться нанизанными на картезианскую рапиру подобно жаворонкам; и потому я рад, что господин Декарт не обездолил виселицу исполнением своей угрозы, тем более что он вряд ли сумел бы доставить судно в гавань после сведения счетов с командой: вероятно, плавание его по Зюйдер-Зее⁵² длилось бы до бесконечности, и моряки по ошибке принимали бы судно за «Летучего голландца»⁵³, направляющегося в родной порт. «Проявленное Декартом мужество, – замечает биограф, – произвело на бандитов поистине волшебное действие. Ошеломленные неожиданностью, они впали в полную растерянность – и, забыв о своем численном перевесе, благополучно высадили путешественника там, где он пожелал».

Вы, джентльмены, вероятно, могли бы предположить, что, подражая Цезарю⁵⁴, обратившемуся к бедному паромщику со словами: «Caesarem vehis et fortunas ejus» [«Ты везешь Цезаря и его удачу» (*лат.*)], Декарту следовало бы только воскликнуть: «Прочь, собаки, вам не перерезать мне глотку, ибо вы везете Декарта и его философию!» – и ему бы уже ничто не угрожало. Один из германских императоров придерживался сходного мнения. В ответ на усердные мольбы укрыться от канонады он сказал: «Фи, приятель, слышал ли ты когда-нибудь об императоре, которого сразило бы пушечное ядро?» [К указанному доводу прибегали, по крайней мере один раз, крайне неудачно: несколько столетий тому назад французский дофин, которого предостерегли от опасности заражения оспой, задал тот же вопрос: «Кто-нибудь слышал о дофине, умершем от оспы?». Верно: о подобном случае никто и слыхом не слыхивал. И тем не менее упомянутый дофин скончался именно от этой болезни. (*Примеч. автора.*)] Насчет императора утверждать не берусь, но для уничтожения философа потребовалось гораздо меньше: второй величайший из европейских философов, безусловно, пал от руки убийцы. Этим философом был Спиноза.

Согласно распространенному убеждению, мне хорошо известному, Спиноза умер в своей постели. Возможно, это и так – и тем не менее его умертвили: в доказательство сошлюсь на книгу, изданную в Брюсселе в 1731 году, под заглавием «Жизнь Спинозы», господином Жаном Колерю, с многочисленными добавлениями из рукописной биографии, написанной одним из друзей философа.

Спиноза скончался 21 февраля 1677 года: ему едва исполнилось сорок четыре года. Смерть в таком возрасте сама по себе подозрительна, и автор указывает, что в рукописи содержится подтверждение вывода, «que sa mort n'a pas été tout-à-fait naturelle» [«что смерть его была не совсем естественной» (*фр.*)]. Живя в сыром климате, да еще в такой моряцкой стране, как Голландия, Спиноза мог бы, конечно, злоупотреблять грогом, а в особенности пуншем [«Июня 1, 1675. – Выпили три чаши пунша (напиток весьма для меня непривычный)», записал преподобный мистер Генрих Теонг в своем «Дневнике», опубликованном Ч. Найтом. В примечании

⁵² Зюйдер-Зее – Северное море.

⁵³ «Летучий голландец» – согласно старинной легенде, корабль-призрак, приносящий гибель встречным судам. Только встреча с девушкой, которая полюбит его капитана, сможет освободить корабль от вечного проклятия.

⁵⁴ Цезарь Гай Юлий (100–44 гг. до н. э.) – один из величайших полководцев и государственных деятелей Древнего Рима.

к этому отрывку делается ссылка на книгу Фрайера «Путешествие в Вест-Индию» (1672), где упоминается «расслабляющий напиток под названием „пунш“» (что означает на языке хиндустани «пять»), из пяти ингредиентов. Приготовленный таким образом, именуется у медиков «квинта»; если составных частей только четыре – «кварта». Безусловно, именно это эвangelическое обозначение вызвало интерес к данному напитку у преподобного мистера Теонга. (*Примеч. автора.*) – незадолго перед тем изобретенным. Вне сомнения, это было вполне возможно, однако этого не было. Месье Жан называет его «*extrêmement sobre en son boire et en son manger*» [«чрезвычайно умеренным в еде и питье» (*фр.*)]. Ходили, правда, темные слухи о том, что Спиноза употреблял якобы сок мандрагоры⁵⁵ (с. 140) и опиум (с. 144), однако в счете от его аптекаря эти снадобья не значатся. При столь очевидной воздержанности как же он мог умереть естественной смертью в сорок четыре года? Послушаем рассказ биографа: «В воскресенье утром, 21 февраля, до начала церковной службы, Спиноза, спустившись вниз, беседовал с хозяином и хозяйкой дома». Как видим, в эту пору – около десяти утра – Спиноза был жив и вполне здоров. Однако, согласно биографу, он «вызвал из Амстердама врача, которого я бы предпочел обозначить инициалами Л. М.». Этот самый Л. М. предписал домовладельцам купить «старого петуха» и тотчас его сварить, с тем чтобы около полудня Спиноза откушал бульон, что – по возвращении из церкви хозяина с супругой – он и сделал, а также съел с аппетитом кусок старой курятины.

«После обеда Л. М. остался наедине со Спинозой, поскольку хозяева вновь отправились в церковь; явившись же домой, они, к величайшему своему изумлению, узнали о том, что Спиноза около трех часов дня скончался в присутствии Л. М., который тем же вечером отбыл в Амстердам, не уделив покойному ни малейшего внимания» – и, по-видимому, столь же равнодушно оставив свой скромный счет неоплаченным. «Он с явной готовностью сложил с себя свои обязанности, так как, завладев дукатами, горстью серебра и ножом с серебряной рукояткой, поспешил скрыться с добычей». Ясно, джентльмены, что перед нами убийство; очевиден и способ, каким оно было совершено. Убил Спинозу Л. М. – и убил из-за денег. Бедняга философ, тщедушный и изнуренный болезнью, был беспомощен: следов крови не оказалось. Л. М., скорее всего, опрокинул пациента на постель и задушил его с помощью подушки: несчастный и без того еле дышал после своего inferнального обеда. С трудом пережевывая «старого петуха» (достигшего, полагаю, столетнего возраста), в состоянии ли был обессиленный инвалид одолеть доктора в рукопашной схватке? Но кто такой этот Л. М.? Уж наверняка не Линдли Маррей⁵⁶, которого я встречал в Йорке в 1825 году; к тому же я вовсе не считаю его способным на подобный поступок – во всяком случае, по отношению к собрату филологу: как вам известно, джентльмены, Спиноза – автор весьма почтенной грамматики древнееврейского языка.

Гоббс⁵⁷ – почему и на каком основании, мне непонятно – не был убит. Это крупнейший промах со стороны профессионалов семнадцатого века: Гоббс во всех отношениях представлял из себя превосходный объект для приложения сил, разве что отличался чрезмерной худобой; деньги у него, бесспорно, водились, но, что весьма забавно, он не имел ни малейшего права оказывать сопротивление убийце. Согласно его же собственному учению, могучая сила

⁵⁵ *Мандрагора* – растение из семейства пасленовых. Согласно преданию, напиток, приготовленный из него, вызывает любовную страсть. В Средние века он играл важную роль как волшебное приворотное средство.

⁵⁶ *Линдли Маррей* (1745–1826) – английский грамматист. Выходец из Америки, где в Нью-Йорке изучал право и был процветающим юристом. В 1795 г. он написал английскую грамматику. В 1818 г. вышло уже сто двадцатое ее издание. Его влияние на преподавание английского языка было чрезвычайно велико. Позднее, перебравшись в Англию, он был Председателем Общества Друзей в Йорке и занялся религиозной деятельностью. Один из самых известных его религиозных трактатов – «Влияние религии на разум» (1787).

⁵⁷ *Гоббс Томас* (1588–1679) – английский философ-материалист. Конечной задачей философии признавал ее практическую пользу. На первый план выдвигал научное понимание общества как средство познания его развития. Методом познания считал переход от единичного к общему. Основное произведение – «Левиафан» (1651).

создает высшее право; поэтому отказ быть убитым является наихудшей разновидностью бунта – в том случае, если убивать тебя принимается достаточная власть. Впрочем, джентльмены, хотя Гоббс и не был убит, я счастлив заверить вас – по его же словам, он трижды стоял на краю гибели, что отчасти утешает. Впервые смерть угрожала философу весной 1640 года, когда, по его утверждению, он, от имени короля, распространил рукопись, направленную против парламента; впоследствии, кстати, он эту рукопись никому не мог предъявить; однако Гоббс заявляет: «Если бы его величество не распустил парламент (в мае), моя жизнь подверглась бы опасности». Распуск парламента тем не менее пользы не принес, ибо в ноябре того же года был созван Долгий парламент⁵⁸ – и Гоббс, вторично убоявшись пасть жертвой насилия, бежал во Францию. Все это очень походит на манию Джона Денниса⁵⁹, полагавшего, что Людовик XIV⁶⁰ не заключит перемирия с королевой Анной⁶¹ до тех пор, пока его (Денниса) не выдадут на расправу французским властям; под воздействием этого убеждения он даже бежал подальше от побережья. Во Франции Гоббс ухитрился уберечь свою глотку от посягательств на протяжении целых десяти лет, однако в конце этого срока, из желания подольститься к Кромвелю⁶², опубликовал «Левиафан»⁶³. Старый трус перепугался в третий раз: он уже ощущал холодное прикосновение роялистской шпаги к горлу, вспоминая, как обошлись с посланцами парламента в Гааге и Мадриде. «Tum», пишет он на своей чудовищной латыни:

Tum venit in mentem mihi Dorislaus et Ascham;
Tanquam proscripto terror ubique aderat.

[Тогда пришли мне на ум Дорислав и Эшем, и всюду был ужас как при объявлении вне закона (лат.).]

Соответственно, он бежал домой, в Англию. Не подлежит никакому сомнению, что автор «Левиафана» заслуживал избиения дубиной – или даже тремя дубинами – за написание пентаметрического стиха со столь вопиющей концовкой, как «terror ubique aderat». Но никто никогда и не считал его достойным другого орудия наказания, кроме дубины. По существу, вся эта хвастливая история от начала до конца выдумана им самим. В письме крайне оскорбительного свойства, адресованном «ученой особе» (подразумевался математик Валлис⁶⁴), Гоббс излагает происшествие совершенно иначе: так, на странице 8 он утверждает, будто бежал на родину,

⁵⁸ *Долгий парламент* – парламент, созданный Карлом I в 1640 г. В нем в оппозиции королю оказалось подавляющее большинство парламентариев. Под давлением его членов Карл I не только подтвердил законы, в силу которых парламент должен был собираться и без приказа короля, но и допустил казнь лорда Страффорда, одного из своих влиятельнейших советников. В 1642 г. Долгий парламент объявил Карлу войну.

⁵⁹ *Джон Деннис* (1657–1734) – английский драматург и критик, один из первых пропагандистов творчества Шекспира, автор «Трех писем о гении и творениях Шекспира» (1711).

⁶⁰ *Людовик XIV* (1638–1715) – король Франции. Начало его царствования прошло под опекой кардинала Мазарини (1643–1661). После его смерти Людовик XIV взял власть в свои руки. Ему приписывают выражение «Государство – это я». В период его правления Франция стала одним из самых могущественных государств Европы.

⁶¹ *Королева Анна* (1665–1714) – дочь Иакова II Стюарта, вступила на английский престол как преемница короля Вильгельма III 19 марта 1702 г. При ней Англия и Шотландия официально объединились в единое государство (1707). Наиболее влиятельным из ее приближенных был герцог Мальборо, под чьим влиянием она продолжила войну с Францией. В 1717 г. война была закончена Утрехтским миром.

⁶² *Кромвель Оливер* (1599–1658) – протектор соединенной республики Англии, Шотландии и Ирландии. Генерал парламентской армии, сражавшейся с королевскими войсками во время английской революции XVII в. После поражения армии короля Карла I и его казни в 1649 г. стал полновластным правителем страны.

⁶³ «*Левиафан, или Материя, форма и власть гражданского государства*» (1651) – главное философское произведение Томаса Гоббса. В нем с материалистической точки зрения рассмотрены основные вопросы гносеологии, психологии, социологии и политики. В данном контексте подразумевается сам автор – Томас Гоббс.

⁶⁴ *Джон Валлис* (1616–1703) – английский математик, развивал математические методы Кавальери, Декарта и Паскаля. Валлису принадлежит символ бесконечности.

«видя угрозу своей безопасности со стороны французского духовенства»; он намекает на вероятность расправы над ним как над еретиком, что было бы поистине великолепной шуткой: Фому Неверующего⁶⁵ предали бы казни за верность религии.

Выдумки выдумками, однако же известно со всей определенностью, что до конца жизни Гоббс страшился убийц. Доказательством служит история, которую я намерен вам поведать: взята она не из рукописи, хотя – по словам мистера Колриджа – не уступает рукописи, ибо заимствована из книги, ныне совершенно забытой, а именно: «Рассмотрение убеждений мистера Гоббса – в беседе между ним и студентом богословия»⁶⁶ (опубликована лет за десять до смерти философа). Книга вышла анонимно, но написана она Теннисоном – тем самым, который через тридцать лет сменил Тиллотсона⁶⁷ в должности архиепископа Кентерберийского. Во вступлении говорится: «Некий богослов (несомненно, это сам Тиллотсон) ежегодно путешествовал по острову на протяжении месяца. Во время одной из таких поездок (1670) он посетил Пик в Дербишире⁶⁸ – отчасти подвигнутый описанием Гоббса. Будучи в тех краях, он не мог не посетить Бакстон⁶⁹; тотчас по прибытии ему посчастливилось встретить компанию джентльменов, спешившихся у дверей гостиницы: среди них был худой долговязый господин – не кто иной, как сам Гоббс, прискакавший верхом, очевидно, из Четсуорта [Четсуорт тогда, как и ныне, был роскошным поместьем самой знатной ветви рода Кавендишей – в те дни графов, в настоящее время герцогов Девонширских. К чести семейства, два его поколения предоставляли приют Гоббсу. Примечательно, что Гоббс родился в год нашествия Испанской Армады⁷⁰ – то есть в 1588-м (так, во всяком случае, мне представляется). Следовательно, при встрече с Теннисоном в 1670 году ему должно было быть около 82 лет. (Примеч. автора.)]⁷¹. При знакомстве с подобной знаменитостью путешественник, ищущий живописного, не мог не представиться ему, даже рискуя прослыть надоедой. На его счастье, оба спутника мистера Гоббса были через посыльного неожиданно отозваны – и таким образом, до конца пребывания в Бакстоне, богослов заполучил Левиафана в свою безраздельную собственность – и был удостоен чести пить с ним по вечерам. Гоббс, по-видимому, держался вначале холодно, ибо сторонился лиц духовного звания, но затем смягчился и, выказав дружелюбие, настроился на шутливый лад; вскоре они договорились пойти вместе в баню. Как это Теннисон отважился плескаться в одной воде с Левиафаном – ума не приложу, однако именно так оно и происходило: оба резвились будто два дельфина, несмотря на весьма преклонный возраст Гоббса, а «в перерывах между плаванием и погружением с головой» (то есть нырянием) «рассуждали о многих предметах, касающихся античных бань и Истоков Сущего». Проведя так около часа, они вышли из бассейна – обсушились, оделись и сели в ожидании ужина; в намерения их входило подкрепиться подобно *Deipnosophistae*⁷² и заняться не столько обильной выпивкой, сколько беседой. Но их невин-

⁶⁵ *Фома Неверующий* – в христианских преданиях один из двенадцати апостолов, отказавшийся поверить в воскресение Христа до тех пор, пока сам не увидит ран от гвоздей и не вложит в них перста.

⁶⁶ «*Рассмотрение убеждений мистера Гоббса...*» (1781) – работа Теннисона, одна из первых книг, посвященных творчеству Гоббса, толкующая основные положения его философии с рационалистической точки зрения.

⁶⁷ *Тиллотсон Джон* (1630–1694) – деятель Англиканской церкви. В 1666 г. издал книгу «Право веры», защищавшую официальную Церковь. В 1670 г. Был назначен пребендарием Кентерберийского собора. Когда в 1672 г. Карл II издал указ о свободе вероисповедания, он очень решительно возражал против этого указа в своих проповедях, что, впрочем, не отразилось на его церковной карьере.

⁶⁸ *Дербишир* – графство в Центральной Англии.

⁶⁹ *Бакстон* – небольшой городок неподалеку от Четсуорта в Девоншире.

⁷⁰ *Четсуорт* – имение герцога Девонширского. Замок построен в 1688–1706 гг. по плану архитектора Кристофера Рена. В замке – большая коллекция картин.

⁷¹ *Испанская Армада* – флот Филиппа II Испанского, который должен был покорить Англию в 1588 г. Однако в результате бури, а затем сражения с легкими и быстрыми английскими судами испанский флот был разгромлен, а сама Испания лишилась былого могущества.

⁷² *Deipnosophistae* – философы, выдающие за истину хитрую уловку, логически неправильное рассуждение. Здесь: аллюзия на книгу с тем же названием – см. примеч. 14 к части II «Исповеди англичанина, любителя опиума».

ные замыслы нарушил шум ссоры, затеянной незадолго перед тем малоотесанными обитателями дома. Мистер Гоббс казался сильно встревоженным, хотя собеседники и стояли поодаль. А почему он был так встревожен, джентльмены? Вы скажете, разумеется, что из кроткой и бескорыстной любви к покою, приличествующей старому человеку, да еще к тому же философу. Слушайте дальше: «Он не сразу овладел собой – и, понизив голос, озабоченно пересказал историю о том, как Секст Росций⁷³ был убит после ужина близ Палатинских купален⁷⁴. Таково обобщение, заключенное в замечании Цицерона об Эпикуре Атеисте⁷⁵, который, по его словам, как никто другой страшился того, что презирал – смерти и богов». Только потому, что близился час ужина, а по соседству с ним находилась купальня, мистер Гоббс примерял к себе участь Секста Росция. Его, видите ли, должны убить так, как был убит Секст Росций. Кто еще нашел бы в этом хоть какую-то логику, кроме человека, которому постоянно мерещился убийца? Перед нами Левиафан, страшющийся не клинков английских роялистов, но «перепуганный до неприличия» сварой в пивной между честными дербиширскими олухами, которые сами до смерти перепугались бы от одного его вида – долговязого чучела минувшего века.

Мальбранш⁷⁶, вы, наверное, обрадуетесь, был убит. Убийца его хорошо известен: это епископ Беркли⁷⁷. История эта знакома всем, хотя до сих пор представлялась в ложном свете. Беркли, тогда еще молодой человек, по прибытии в Париж навестил преподобного отца Мальбранша. Он застал его в келье за приготовлением пищи. Повара всегда были *genus irritabile* [родом раздражительным (*лат.*)]⁷⁸; авторы – еще в большей степени; Мальбранш принадлежал и к тем, и к другим; вспыхнул спор; престарелый священник, уже и без того разгоряченный, вскипел гневом; кулинарное недовольство, вкупе с метафизическим раздражением, вывело из строя его печень: он слег в постель – и скончался. Вот распространенная версия происшедшего: «Так было обмануто ухо Дании». Дело в том, что подлинную историю замяли – из уважения к Беркли, который (по справедливому наблюдению Попа⁷⁹) «был славен добродетелями всеми», иначе выяснилось бы, что Беркли, чувствуя себя уязвленным ехидностью старика француза, набросился на него; завязалась драка; в первую же минуту Мальбранш был сбит с ног; самодовольство его мигом улетучилось, и он, вероятно, сдался бы на милость победителя, но у Беркли кровь взыграла не на шутку – и он принялся настаивать на том, чтобы Мальбранш отказался от учения о случайных причинах. Тщеславие философа не позволило ему пойти на уступки – и, таким образом, он пал жертвой запальчивости ирландского юноши, усугубленной собственным нелепым упрямством.

⁷³ *Секст Росций* – римлянин, который был обвинен в убийстве своего отца в 80 г. до н. э., во времена консульства Суллы, но был оправдан благодаря речи Цицерона, дошедшей до нас.

⁷⁴ *Палатинские купальни* – купальни, построенные на одном из семи холмов, на которых был построен Древний Рим, находились посреди остальных шести холмов. На этом холме строили позднее дворцы цезарей.

⁷⁵ *Эпикур Атеист* (341–270 гг. до н. э.) – древнегреческий философ-материалист. Основал в Афинах в 306 г. до н. э. философскую школу под названием «Сад Эпикура». Целью философии согласно Эпикуру было обеспечение безмятежности духа. Источник знания он видел в чувственном восприятии. Сам человек, как считает Эпикур (и душа, и тело), состоит из атомов. Умирая, он исчезает полностью. Это утверждение приводит Эпикура к отрицанию божественного происхождения Вселенной.

⁷⁶ *Мальбранш Николай* (1638–1715) – французский философ, склонялся к идеалистической мистике. По его учению, мир познаваем только благодаря врожденным идеям о нем. Бог является первоосновой всякого бытия и мышления, так как все идеи содержатся в нем. В истории философии Мальбранш занимает промежуточное положение между Декартом и Спинозой.

⁷⁷ *Епископ Беркли* – Джордж Беркли (1684–1753), придворный проповедник ирландского наместника. В 1734 г. назначен епископом в Клейне. Ученый и философ. Главный его философский труд – «Трактат о человеческом знании» (1710), в котором проповедуются идеалистические взгляды. Бытие мира, по Беркли, состоит в его способности быть воспринимаемым.

⁷⁸ Слова Горация о поэтах.

⁷⁹ *Поп Александр* (1688–1744) – английский поэт-классицист. Он сформулировал основные принципы классицизма, призывал поэтов подражать «упорядоченной» природе. Эти принципы воплощены в поэме Попа «Виндзорский лес» (1713) и других. В своих переводах Гомера «исправлял неправильности» его поэзии. Писал сатиры. Из теоретических работ важны поэмы «Опыт о критике» (1711) и «Опыт о человеке» (1730).

Лейбниц⁸⁰, во всех отношениях превосходивший Мальбранша, мог бы, а fortiori [еще в большей мере (*лат.*)], рассчитывать на гибель от руки убийцы, чего, однако, не произошло. Полагаю, что он был задет подобным небрежением – и чувствовал себя оскорбленным той безопасностью, в какой проводил свои дни. Я не могу объяснить ничем иным поведение Лейбница в конце жизни, когда его обуяла алчность и он накопил у себя в доме целые кучи золота. Это было в Вене, где он умер; сохранились письма, запечатлевшие его безмерную тревогу за свою жизнь. Тем не менее он так страстно желал подвергнуться хотя бы покушению, что не устранился от опасности.

Один покойный педагог бирмингемской выделки – а именно доктор Парр – проявил в подобных обстоятельствах большой эгоизм. Он собрал огромное количество золотой и серебряной посуды, которую держал какое-то время в спальне у себя в священническом доме в Хэттоне. С каждым днем он все больше и больше боялся, что его убьют, чему, он знал, противостоять он не в силах (да он, собственно, и не претендовал на сопротивление) – и потому перетащил все свое добро к местному кузнецу; вообразив, очевидно, что убийство кузнеца нанесет меньший урон *salus reipublicae* [благу государства (*лат.*)], нежели убийство педагога. Это мнение, по дошедшим до меня слухам, энергично оспаривалось; теперь все, кажется, согласилось на том, что цена одной хорошей подковы равна примерно цене двух с четвертью лечебных проповедей [«Лечебные проповеди». Доктор Парр, впервые выступив в печати со знаменитым латинским предисловием к Белленденусу (правильное ударение – на втором слоге), время от времени публиковал проповеди, читанные им для некой больницы (не помню точного названия), официально именовавшейся «лечебницей»; вышло так, что и сами проповеди получили известность как «лечебные». (*Примеч. автора.*)].

Если о Лейбнице, хотя и не убитом, можно сказать, что он умер отчасти от страха быть убитым, а отчасти от раздражения, вызванного тем, что никто не посягнул на его жизнь, то Кант, напротив, не питавший на данный счет ни малейших амбиций, был на волосок от насильственной смерти – ближе, чем кто-либо из тех, о ком пишут книги, за исключением разве что Декарта. Сколь нелепо расточает фортуна свои милости! Подробности инцидента приведены в анонимном жизнеописании этого великого мыслителя. С целью укрепления здоровья Кант предписал себе ежедневную шестимильную прогулку по проезжей дороге. Об этом прослышал один человек, имевший собственные резоны для совершения убийства, и устроил у третьего мильного столба, на пути из Кенигсберга, засаду, где подстерег своего «избранника», который появлялся там всегда в один и тот же час с точностью почтовой кареты.

Спасла Канта чистая случайность. Обстоятельство это заключалось в скрупулезности (миссис Куикли⁸¹ сказала бы – въедливости) нравственных взглядов убийцы. Старый профессор, решил он, наверняка отягощен грехами. Другое дело – малый ребенок. Рассудив таким образом, покушавшийся в критический момент оставил Канта в покое и зарезал вскорости пятилетнюю кроху. Так обо всем этом повествуют в Германии, однако я склонен считать убийцу подлинным любителем, который почувствовал, как мало ответит требованиям хорошего вкуса убийство старого, очерствелого, желчного метафизика: он не мог блеснуть своим искусством, поскольку философ даже после смерти не мог бы больше походить на мумию, чем походил при жизни.

Итак, джентльмены, я проследил связь между философией и нашим искусством – и тем временем начинаю осознавать, что вторгся в современную нам эпоху. Я не возьму на себя смелость давать оценку нашему веку в отрыве от двух предшествующих; различия между

⁸⁰ Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646–1716) – немецкий ученый и философ. Основным стремлением Лейбница была попытка соединить различное в гармонии. Исходным пунктом его сочинения была теория Декарта о качественной противоположности между материей и духом. По учению Лейбница, материя по своей сущности не отличается от духа. Единственная первооснова всего – простая субстанция, «монада».

⁸¹ Миссис Куикли – персонаж комедии Шекспира «Виндзорские проказницы».

ними, в сущности, нет. Семнадцатое и восемнадцатое столетие, наряду с прожитой нами толикой девятнадцатого, образуют в совокупности классическую эпоху убийства. Прекраснейшим из свершений семнадцатого столетия было, бесспорно, убийство сэра Эдмондбери Годфри⁸², встречающее с моей стороны безоговорочное одобрение. Если взять столь весомый атрибут, как покров тайны, необходимо долженствующий сопутствовать всякому взвешенному покушению на убийство, то в этом смысле убийство сэра Годфри и остается поистине непревзойденным: загадка до сих пор не разгадана. Попытки взвалить убийство на папистов повредили бы шедевр ничуть не менее, чем старания профессиональных реставраторов повредили известным полотнам Корреджо⁸³; подобные попытки, пожалуй, уничтожили бы совершенное создание в корне, поскольку перевели бы событие в искусственный разряд убийств по чисто политическим мотивам; в них начисто отсутствует *animus* [душа (*лат.*)] убийства – и я призываю общество решительно отвергнуть выдвинутое против папистов обвинение. По сути, оно совершенно беспочвенно – и явилось исключительно следствием протестантского фанатизма. Сэр Эдмондбери не выделялся среди лондонских чиновников особой суровостью по отношению к папистам и не поощрял стремления фанатиков применить на деле законы, направленные против инаковерующих. Он не навлек на себя враждебности со стороны какой-либо религиозной секты. Что же касается застывших капель воска, замеченных на платье обнаруженного в канаве трупа (а благодаря им подозрения пали на служителей католической Королевской часовни), то здесь налицо либо злокозненный подлог, затеянный гонителями папистов, либо вся эта история – от начала до конца, включая найденный воск и предполагаемое его происхождение, – измышлена епископом Бернетом, который, по утверждениям герцогини Портсмут, прослыл в семнадцатом столетии изрядным фантазером и большим мастером на выдумки. Попутно следует отметить, что число убийств, совершенных во времена сэра Эдмондбери, не слишком велико: это, вероятно, объясняется недостатком просвещенного покровительства.

«*Sint Maecenates, non deerant, Flacce, Marones*».

[«Если будут Меценаты, не будет, Флакк, недостатка и в Вергилиях» (*лат.*).]

Сверившись с «Наблюдениями над показателями смертности» Гранта (4-е изд., Оксфорд, 1665), я нашел, что из двухсот двадцати девяти тысяч двухсот пятидесяти человек, скончавшихся в Лондоне за двадцатилетний период семнадцатого века, убито было не более восьми-десяти шести – то есть в среднем четыре целых три десятых человека в год. Это скромная цифра, джентльмены, и вряд ли достаточная для того, чтобы основать академию; несомненно, однако, что при столь незначительном количестве мы вправе ожидать первоклассного качества. Возможно, так оно и было, но я все же склонен придерживаться мнения, что лучший художник семнадцатого столетия далеко уступает по мастерству лучшему художнику столетия восемнадцатого. Хотя случай с сэром Эдмондбери Годфри и заслуживает всяческих похвал (а никто не может оценить его так, как я, – по достоинству), я тем не менее не могу счесть его равным истории миссис Раскоум из Бристоля – ни по оригинальности замысла, ни по широте и дерзости

⁸² Эдмондбери Годфри (1623–1678) – английский государственный чиновник, смерть которого, предположительно от руки католика, вызвала волну антикатолических настроений, послужившую причиной падения правительства Карла II. В сентябре 1678 г. бывший англиканский священник Титус Оутс предъявил сэру Годфри сфабрикованное свидетельство католического заговора против Карла II. Он обвинил «папистов» в том, что они планируют убить короля и возвести на трон его брата Иакова. Спустя некоторое время после этого тело сэра Годфри было найдено во рву неподалеку от его дома, а еще два месяца спустя некий католик заявил, что он был свидетелем мученической смерти его от рук католических священников. Позднее он признался в лжесвидетельстве. История убийства сэра Годфри осталась неразгаданной.

⁸³ Корреджо Антонио Аллегри (1494–1534) – итальянский живописец. Испытал влияние школы Леонардо да Винчи. Придерживался строгих законов классической композиции, стремясь как можно ближе подражать природе.

исполнения. Убийство почтенной леди произошло в самом начале царствования Георга III⁸⁴ – царствования, как известно, исключительно благоприятного для процветания искусств в целом. Миссис Раскоум проживала на Колледж-Грин, вместе с единственной служанкой, и ни та, ни другая нимало не претендовали на место в истории, которое им обеспечил великий искусник, чье мастерство я намерен вам описать. Одним прекрасным утром, когда в городе царила оживленная суета, у соседей миссис Раскоум зародились недобрые предчувствия; дверь взломали – и, проникнув в дом, нашли хозяйку убитой у себя в постели; мертвая служанка лежала на ступенях лестницы. Дело происходило в полдень, и всего лишь двумя часами ранее обеих видели живыми и здоровыми. Случилось это, насколько я помню, в 1764 году; с тех пор минуло, следовательно, свыше шестидесяти лет, однако автор шедевра до сего времени не обнаружен. Подозрения потомства пали на двух претендентов – на булочника и на трубочиста. Заблуждение очевидное: неопытного художника ни за что не осенила бы столь дерзостная идея – идея убийства среди бела дня, в самом сердце большого города. Нет, джентльмены, не безвестный булочник, уверяю вас, не неведомый свету трубочист сотворил этот шедевр. Я знаю, кому он принадлежит. (Шум в зале сменяется аплодисментами; залившийся румянцем лектор продолжает с еще большей горячностью.)

Ради Бога, джентльмены, не поймите меня неправильно; нет, я тут абсолютно ни при чем. Я не настолько тщеславен, чтобы мнить себя способным на такие свершения; поверьте, вы сильно преувеличиваете мои таланты; дело миссис Раскоум далеко превосходит мои скромные возможности. Просто мне довелось узнать имя этого виртуоза – от знаменитого хирурга, бывшего ассистентом при его вскрытии. Названный медик завел у себя частный музей профессионального назначения, один угол которого занимал гипсовый слепок с человеческой фигуры на редкость совершенных пропорций.

Это, заявил хирург, слепок с тела знаменитого ланкаширского грабителя. Долгое время он скрывал свое занятие от соседей, натягивая на ноги своей лошади шерстяные чулки с расчетом приглушить стук копыт по мощеной дороге, которая вела в конюшню. Когда он попал на виселицу за совершенные им грабежи, я состоял в обучении у Крукшенка⁸⁵; преступник отличался столь завидной конституцией, что ради того, чтобы завладеть телом без малейшей задержки, нельзя было жалеть ни сил, ни средств. При потворстве помощника шерифа осужденного сняли с веревки до истечения положенного срока, немедленно поместили в фаэтон, запряженный четверкой лошадей, – и таким образом доставили в дом Крукшенка, пока повешенный еще сохранял признаки жизни. Мистеру... тогда молодому студенту, было предоставлено почетное право нанести казненному *coup de grâces* [последний удар (*фр.*)], завершить исполнение судебного приговора. Меня поразили этот примечательный анекдот, свидетельствующий о том, что так или иначе все джентльмены из прозекторской принадлежат к числу ценителей в нашей области. Однажды я поделился таким мнением с знакомой леди из Ланкашира. Она тотчас сообщила мне, что жила ранее по соседству с этим грабителем, и ей хорошо помнились два обстоятельства, каковые, в своей совокупности, по общему мнению окрестных обитателей, приписывали ему честь участия в деле миссис Раскоум. Во-первых, когда произошло убийство, грабитель отсутствовал целых две недели; во-вторых, вскоре вся округа была наводнена долларами, а, по слухам, миссис Раскоум скопила около двух тысяч таких монет. Кем бы, однако, ни был этот выдающийся художник, он оставил нерушимый памятник своему гению: столь трепетным оказался пиетет, внушенный захватывающей смелостью замысла и мощным

⁸⁴ Георг III, Вильгельм Фридрих (1738–1820) – король Великобритании, представитель Ганноверской династии. В его правление произошла война с американскими колониями (1765–1783), присоединение Ирландии (1800), война с Наполеоном (1805–1814). С 1795 г. у Георга обнаружили признаки умственного расстройства, в результате чего в 1810 г. он был окончательно отстранен от власти. Парламент объявил Принца Уэльского (будущего Георга IV) регентом при отце.

⁸⁵ Крукшеник Джон (1756?–1811) – врач-хирург, дядя известного карикатуриста Джорджа Крукшенка.

размахом исполнения, что вплоть до 1810 года (когда мне об этом рассказывали) для дома миссис Раскоум никак не удавалось приискать жилья.

Хотя я и готов без устали превозносить описанный выше прецедент, пусть не заподозрят меня в небрежении множеством других великолепных образчиков искусства, явленных по всей нашей стране. Впрочем, случаи с мисс Блэнд, капитаном Доннелланом или сэром Теофилом Боутоном, а также подобные им, ни малейшего сочувствия с моей стороны не вызовут. Да устыдятся все эти отравители, возглашаю я: неужто не могут они следовать старой доброй традиции перерезать глотку ножом, не прибегая к дерзостным новшествам из Италии? Я полагаю, что всяческие манипуляции с ядами по сравнению с узаконенным методом выглядят ничуть не лучше, чем восковые изделия рядом с мраморными изваяниями или же литографии бок о бок с подлинником Вольпато⁸⁶. Но и за вычетом их существует сколько угодно превосходных произведений искусства, выдержанных в безупречном стиле, каким нельзя не гордиться; и тут со мной согласится любой честный знаток. Заметьте, что я говорю «честный»: в таких случаях необходимо делать большие скидки; ни один художник не может быть уверен, что ему удастся вполне осуществить свой предварительный замысел. Возникают различные препятствия: жертвы не выказывают должного хладнокровия, когда к их горлу подступают с ножом: они пытаются бежать, брыкаются, начинают кусаться; и если художники-портретисты нередко жалуются на скованность своих моделей, то представители нашего жанра сталкиваются, как правило, с излишней живостью повадки. В то же время присущее нашему искусству свойство пробуждать в убиваемом взволнованность и раздражение является в целом выигрышным приобретением для публики; важностью его мы не должны пренебрегать, ибо оно способствует развитию скрытого таланта. Джереми Тейлор с восхищением описывает феноменальные прыжки, совершаемые индивидами под воздействием страха. Разительное подтверждение этому – недавнее дело Маккинсов: мальчишка одолел высоту, о которой до конца своих дней и мечтать не сможет. Иногда паника, сопутствующая действиям наших художников, пробуждает самые блестящие способности к работе кулаками, а также к любой разновидности гимнастических упражнений; в противном случае таланты эти, зарытые в землю, остались бы неведомы владельцам, а равно и их друзьям. Приведу любопытную иллюстрацию этого факта – историю, услышанную мной в Германии.

Совершая как-то верховую прогулку в окрестностях Мюнхена, я свел знакомство с одним выдающимся представителем нашего сообщества: имени его, по понятным причинам, называть не буду. Этот господин уведомил меня, что, утомленный холодными, по его определению, уладами откровенного дилетантства, он перебрался из Англии на континент – в надежде попрактиковаться немного как профессионал. С этой целью он прибыл в Германию, полагая, что полиция в этой части Европы особенно сонлива и неповоротлива. Дебют его состоялся в Мюнхене: признав во мне собрата, он без утайки поведал мне о своем первом опыте.

«Напротив дома, в котором я квартировал, – начал мой собеседник, – жил булочник; он был склонен к скарденности и жил в полном одиночестве. Широкое одутловатое лицо его было тому причиной или что-то иное, но, так или иначе, он меня к себе расположил – и я вознамерился приступить к делу на его горле, которое из-за отложного воротничка всегда оставалось открытым (мода, всегда подстигивавшая мои стремления). По моим наблюдениям, вечерами он неизменно закрывал свои окна ставнями ровно в восемь, минута в минуту. Однажды я подстерег булочника за этим занятием, ворвался следом за ним в помещение, запер дверь и, обратившись к нему с величайшей учтивостью, посвятил его в свои планы. Сопротивление, добавил я, нежелательно, поскольку повлечет за собой взаимные неудобства; с этими словами я извлек свои инструменты и приготовился действовать. Тут булочник, впавший, казалось, от

⁸⁶ *Вольпато Джованни* (1733–1803) – итальянский гравер, работал в Парме, Венеции и Риме, где основал школу граверного искусства. Особенно известны его гравюры с картин Рафаэля и с его фресок в Ватикане.

моего уведомления в настоящую каталепсию, обнаружил вдруг признаки неопишуемого волнения. „Я не хочу, чтобы меня убивали! – пронзительно завопил он. – К чему (он, вероятно, хотел сказать, почему) я должен расставаться с моей драгоценной глоткой?“ – „К чему? Да хотя бы к тому, – возразил я, – что вы добавляете в хлеб квасцы. Впрочем, несущественно, так это или не так (я был полон решимости пресечь дискуссию в самом начале); знайте же, что по части убийства я подлинный виртуоз – и желал бы отточить свое мастерство; меня заворожило ваше неохватное горло, и я твердо намерен сделать вас своим клиентом“. – „Ах так! – вскричал булочник. – Что ж, тогда перед вами виртуоз в другой области“. – И он, сжав кулаки, занял оборонительную позицию. Сама идея боксерского поединка показалась мне дикой. Действительно, один лондонский пекарь отличился на ринге и прославился под именем Мастера Булочек, однако он был еще юн и неиспорчен, тогда как мой противник представлял из себя чудовищного толстяка пятидесяти лет от роду, далеко не в спортивной форме. Несмотря на все это, он бросил вызов мне, специалисту и знатоку, и оказал столь яростное сопротивление, что я не раз опасался быть побитым моим же оружием и пасть от руки прохвоста-булочника. Ничего себе положение! Отзывчивые сердца должны мне посочувствовать. Насколько сильно я был встревожен, вы можете судить по тому, что на протяжении первых тринадцати раундов преимущество было на стороне булочника. В четырнадцатом раунде я получил удар в правый глаз, который тотчас закрылся; тут, я полагаю, и крылось мое конечное спасение, поскольку во мне вскипел такой гнев, что в следующем раунде, а также в трех последующих я валил противника с ног. Раунд девятнадцатый. Булочник выдыхается, силы его явно на исходе. Его геометрические подвиги в последних четырех раундах пользы ему не принесли. Он довольно ловко, впрочем, отразил удар, нацеленный в его мертвенно-бледную физиономию; тут я поскользнулся и полетел на пол.

Раунд двадцатый. Оглядев булочника, я устыдился того, что терплю столько неудобств от бесформенной кучи теста: разъярившись, я обрушил на него самую суровую кару. Последовал обмен выпадами: поражение потерпели оба, но верх одержал любитель – со счетом десять к трем.

Раунд двадцать первый. Булочник вскочил на ноги с поразительным проворством; в самом деле, держался он стойко и сражался отменно – если учесть, что пот с него лил ручьями; но задор его приметно увял – и все эти наскоки были простым следствием овладевшей им паники. Стало ясно, что надолго его не хватит. На протяжении этого раунда мы испробовали ближний бой, в котором у меня был значительный перевес, и я нанес несколько ударов по носу противника. Во-первых, нос его испещряли карбункулы; а во-вторых, мне казалось, что подобные вольности в обращении с носом не могут не вызвать у обладателя этого носа серьезного неудовольствия; так оно и случилось.

В последующие три раунда мастер булочек шатался будто корова на льду. Видя, как обстоят дела, в двадцать четвертом раунде я шепнул ему на ухо два-три слова, от которых он рухнул словно подкошенный. А сообщил я ему всего лишь мое частное мнение о стоимости его глотки в страховом агентстве. Мой доверительный шепот сильно поразил его: даже пот застыл на его лице – и в последующие два раунда я был хозяином положения. Когда же я выкрикнул „Время!“ перед началом двадцать седьмого раунда, противник мой лежал колода колодой».

«И вот тогда-то, – заметил я любителю, – вы, надо думать, и осуществили свой замысел». – «Вы правы, – кротко отозвался мой собеседник. – И испытал при этом величайшее удовлетворение, поскольку одним ударом убил двух зайцев». Подразумевалось, что он не просто покончил с булочником, но еще и хорошенько его отдубасил. Я, хоть убей, так не считаю: напротив, мне представляется, что моему знакомому для расправы с одним-единственным зайцем потребовалось нанести два удара: сначала кулаком выбить из него спесь, а уж потом прибегнуть к помощи своих инструментов. Но логика моего собеседника тут не слишком существенна. Важна мораль всей этой истории, свидетельствующая о том, какие потря-

сающие стимулы для пробуждения скрытого таланта таятся в самой возможности вдруг быть убитым. Единственно под влиянием этой вдохновляющей мысли прижимистый, неповоротливый мангеймский булочник, наполовину впавший в каталептическое состояние, провел двадцать семь раундов с опытным английским боксером; столь высоко вознесся его природный гений благодаря животворному присутствию будущего убийцы.

Воистину, джентльмены, слыша о подобных вещах, чуть ли не долгом своим сочтешь попытку смягчить ту крайнюю суровость, с какой большинство отзывается об убийстве. Из людских пересудов можно заключить, будто все неудобства и беспокойства выпадают на долю тех, кого убивают; те же, кто избавлен от этой участи, горя не знают. Рассудительные люди думают иначе. «Нет сомнения, – говорит Джереми Тейлор, – что гораздо легче пасть от острого лезвия меча, чем от жестокого приступа лихорадки, а топор (сюда он мог бы также добавить лом или молоток корабельного плотника) – куда меньшее зло, нежели задержка мочеиспускания». В высшей степени справедливые слова: епископ рассуждает как умный человек и подлинный ценитель, к числу которых, я уверен, он принадлежал; другой великий философ, Марк Аврелий⁸⁷, равным образом стоял выше пошлых предрассудков на этот счет. Он заявлял, что одним из благороднейших свойств разума является «способность знать, наступила пора покидать этот мир или же еще нет» (книга III, перевод Келлера). Поскольку знать об этом дано лишь весьма немногим, истинным филантропом должен быть тот – кто берет на себя труд безвозмездно, с немалым для себя риском, наставить ближнего в данной отрасли знания. Все это я излагаю только в качестве пищи для размышлений будущих моралистов; между тем заявляю о моем личном убеждении, что лишь очень немногие совершают убийство, следуя филантропическим или патриотическим принципам; я повторяю уже неоднократно мной сказанное: у большинства убийц – в высшей степени извращенный характер.

Относительно убийств, принадлежащих Уильямсу, – наиболее величественных и последовательных в своем совершенстве из когда-либо имевших место, – то я не вправе касаться их походя. Для всестороннего освещения их достоинств потребуются целая лекция – или даже курс лекций [См. «Постскрипtum» в добавлении к этой лекции. (*Примеч. автора.*)]. Однако один любопытный факт, связанный с этой историей, я все же приведу, поскольку он доказывает, что блеск гения Уильямса совершенно ослепил взор криминальной полиции. Все вы, не сомневаюсь, помните, что орудиями, с помощью которых Уильямс создал свое первое великое произведение (убийство Марров), были нож и молоток корабельного плотника. Так вот, молоток принадлежал старику шведу, некоему Джону Петерсону, и на ручке были нанесены его инициалы. Этот инструмент, оставленный Уильямсом в доме Марров, попал в руки следователей. Но не секрет, джентльмены, что печатное уведомление об этих инициалах привело к немедленному разоблачению Уильямса: опубликованное раньше, оно предотвратило бы второе выдающееся его деяние (убийство Уильямсонов), совершенное двенадцать дней спустя. Тем не менее следователи скрывали эту улику от публики на протяжении долгих двенадцати дней – вплоть до осуществления второго замысла. Когда же таковой наконец воплотился, сообщение о находке передали в печать – очевидно, сознавая, что художник уже обеспечил себе бессмертную славу и блистательная его репутация не способна пострадать от какой-либо случайности.

О деле мистера Тертелла я, право, не знаю, что и сказать. Разумеется, я весьма высоко ставлю моего предшественника на этой кафедре – и считаю его лекции превосходными. Но, говоря вполне чистосердечно, я и в самом деле полагаю, что главное его достижение как художника сильно переоценено. Каюсь, поначалу и меня захлестнула волна всеобщего энтузиазма. Утром, когда весть об убийстве разнеслась по Лондону, любителей собралось вместе столько, сколько на моей памяти не собиралось со времен Уильямса; дряхлые, прикованные к постели

⁸⁷ Марк Аврелий (121–180 гг. н. э.) – происходил из знатной испанской семьи, был усыновлен императором Адрианом. В 161 г. вззошел на престол. Его правление не было удачным. Оставил после себя двенадцать написанных по-гречески сочинений.

знатоки, привыкшие раздраженно сетовать на отсутствие настоящих событий, приковыляли тогда в наш клуб; и такого множества благожелательных, сияющих веселым довольством лиц мне не часто доводилось видеть. Отовсюду слышались поздравления; члены клуба, обмениваясь рукопожатиями, договаривались о совместных обедах; поминутно раздавались торжествующие вопросы: «Ну как, наконец-то?» – «То, что надо, верно?» – «Теперь вы удовлетворены?» Однако в самый разгар суматохи все мы, помнится, разом смолкли, заслышав стук деревянной ноги одного из любителей – пожилого циника Л. С. Он вступил в зал, сохраняя обычную мрачность, и, продвигаясь вперед, ворчливо бормотал: «Обыкновенный плагиат! Бесстыдное воровство! Мошенник воспользовался брошенными мною намеками. К тому же стиль его резок, как у Дюрера⁸⁸, и груб, как у Фьюзели». Многие полагали, что устами его говорила простая ревность, подстегнутая язвительностью характера, но должен признаться, что, когда первые восторги слегка поутихли, я встречал немало здравомыслящих критиков, которые сходились во мнении относительно того, что в стиле Тертелла присутствует некое *false* [фальцет, фальшь (*um.*)]. Поскольку Тертелл принадлежал к нашему обществу, это побуждало нас отзываться о нем благосклонно; личность его была прочно соотнесена с причудой, создавшей ему временную популярность в лондонском обществе и для поддержания которой его претензии оказались недостаточными, ибо *opinionum commenta delet dies, naturae iudicia confirmat* [день уничтожает измышления и подтверждает справедливость природы (*lat.*)]. У Тертелла имелась, впрочем, заготовка неосуществленного убийства посредством двух гирь, которой я глубоко восхищался; это был всего лишь беглый эскиз, который он не завершил, однако, на мой взгляд, он во всех отношениях превосходит его главное произведение. Помню, как некоторые ценители не уставали сокрушаться о том, что набросок остался незавершенным, но здесь я не могу с ними согласиться: фрагменты и первые смелые зарисовки оригинальных художников обладают нередко выразительностью и меткостью, которые, случается, исчезают после тщательной проработки деталей.

Дело Маккинсов я ставлю гораздо выше превознесенного подвига Тертелла – оно поистине выше всяких похвал; с бессмертными творениями Уильямса оно соотносится как «Энеида»⁸⁹ с «Илиадой».

Пора наконец сказать несколько слов об основополагающих принципах убийства – с целью упорядочить не практику вашу, а систему ваших суждений: пусть старухи и несметное множество читателей газет довольствуются чем угодно, лишь бы было побольше крови. Но чувствительному сердцу требуется нечто большее. Итак, речь пойдет, во-первых, о том, *кто* пригоден для целей убийцы; во-вторых, о том, *где* должно происходить убийство; и в-третьих, *когда*; коснемся также и прочих сопутствующих обстоятельств.

Убиваемый – я полагаю это очевидным – должен быть добродетельным человеком: в противном случае может оказаться так, что он сам, именно в эту минуту, также замышляет убийство: подобные столкновения, когда «коса находит на камень», достаточно отрадные за отсутствием других, более волнующих, не заслуживают, с точки зрения опытного критика, наименования убийств. Могу привести в пример, не называя имен, нескольких лиц, умерщвленных в темном проулке: до поры до времени происшедшее выглядело вполне безупречно, однако, вникнув в дело более основательно, общественность пришла к заключению, что убитый сам в тот момент намеревался ограбить убийцу – и даже, по возможности, его прикончить. Если подобные случаи имеют место, то с подлинным назначением нашего искусства у них нет ничего общего. Ибо конечная цель убийства, рассматриваемого в качестве одного из изящных

⁸⁸ Дюрер Альбрехт (1471–1528) – немецкий живописец, гравер и рисовальщик. Наиболее известны его гравюры на меди и на дереве.

⁸⁹ «Энеида» – поэма древнеримского писателя Вергилия. Сюжетом поэмы служат странствия и войны троянца Энея. Вся поэма складывается из цепи повествований о его приключениях, движущей силой которых является рок. Поэма была издана после смерти автора.

искусств, та же самая, что и у трагедии: по определению Аристотеля⁹⁰, она состоит в том, чтобы «очищать сердце посредством жалости и ужаса». Так вот, ужас здесь налицо, но откуда взяться жалости, если одного хищника уничтожает другой?

Ясно также, что избранный индивид не должен быть известным общественным деятелем. К примеру, ни один здравомыслящий художник не рискнет покуситься на Абрагама Ньюленда [Ныне Абрагам Ньюленд совершенно забыт. Однако в то время, когда писались эти строки, имя его не переставало звучать в ушах британцев как самое привычное и чуть ли не самое значительное из всех когда-либо существовавших. Это имя появлялось на лицевой стороне каждой английской банкноты, крупной или мелкой; имя Ньюленда служило, на протяжении более чем четверти столетия (в особенности в течение всей Французской революции), кратким обозначением бумажных денег в наиболее надежном их виде. (*Примеч. автора.*)]⁹¹. Дело вот в чем: все так много читали об Абрагаме Ньюленде, но мало кто его видел, и для публики он превратился в отвлеченную идею. Помню, однажды мне случилось упомянуть о том, что я отобедал в кофейне в обществе Абрагама Ньюленда, и присутствующие оглядели меня с презрением, словно я заявил, будто играл в бильярд с пресвитером Иоанном⁹² или стрелялся на дуэли с Римским Папой. Римский Папа, кстати, совершенно не годится для убийства: как глава христианского мира, он и в самом деле вездесущ: словно кукушку, его часто слышат, но никогда не видят, а потому, как я подозреваю, многие также считают его абстрактной идеей. Впрочем, в тех случаях, если известная всем особа имеет обыкновение давать званые обеды, «со всеми лакомствами сезона», дело обстоит иначе: всякий приглашенный испытывает удовлетворение оттого, что хозяин отнюдь не абстракция – и, следовательно, убийство его не будет означать нарушения приличий; однако такое убийство относится к разряду мотивированных политически, мною еще не затронутому.

Третье. Избранный индивид должен обладать хорошим здоровьем: крайнее варварство убивать больного, который обычно совершенно не в состоянии вынести эту процедуру. Следуя этому принципу, нельзя останавливать свой выбор на портных старше двадцати пяти лет: как правило, в этом возрасте все они начинают страдать от несварения желудка. Если же охота происходит именно на этом участке, то необходимо следовать старинному счету, согласно которому число убийств должно быть кратно девяти – к примеру, 18, 27 или 36. И тут вы увидите обычное действие изящного искусства, смягчающего и утончающего душу. Мир в целом, джентльмены, весьма кровожаден: публика требует прежде всего обильного кровопускания, красочная демонстрация какового тешит ее как нельзя более. Но просвещенный знаток обладает более изысканным вкусом; задача нашего искусства, как и прочих гуманитарных дисциплин, – облагораживать сердца; итак, справедливо отмечено, что

Ingenuas didicisse fideliter artes
Emollit mores nec sinit esse ferus.

[Усердное изучение благородных наук смягчает нравы и не позволяет им ожесточаться (*лат.*).]

Один мой приятель, не чуждый философии и широко известный мягкосердечием и благотворительностью, высказывает мнение, что у избранной жертвы должны, для пущей тро-

⁹⁰ В «Поэтике» Аристотеля существует понятие «катарсис», обозначающее сущность эстетического переживания. Аристотель отмечает очищающее нравственное и воспитательное значение трагедии.

⁹¹ Абрагам Ньюленд (даты жизни неизвестны) – художник-гравер, автор рисунка на английских бумажных банкнотах.

⁹² Пресвитер Иоанн – по средневековому преданию, христианский властитель в Восточной Азии (XII в.). Средневековые хроники приписывают ему письма о христианстве, по всей видимости, апокрифические. По предположению, он царствовал в Абиссинии.

гательности, быть маленькие дети, всецело от нее зависящие. Предосторожность, бесспорно, разумная. И все же я не стал бы слишком рьяно настаивать на этом условии. Строгий вкус полагает данное требование обязательным, однако если индивид безупречен с точки зрения морали, а физическое его состояние не вызывает ни малейших нареканий, я не стал бы с излишней горячностью упорствовать в навязывании ограничения, способного только сузить сферу приложения художнического таланта. Но довольно о предмете нашего искусства. Что касается времени, места и инструментов, тут я многое мог бы сказать, но для этого у меня нет сейчас возможности. Здравый смысл практикующего художника обычно склонял его к ночному уединению. Впрочем, нередко бывало, что это правило обходили, достигая превосходного результата. В отношении времени дело миссис Раскоум является, как я уже говорил, великолепным исключением; если же взять время и место в совокупности, то в анналах Эдинбурга (год 1805-й) находим дивный редкостный случай, знакомый каждому тамошнему ребенку: однако необъяснимым образом событие это не пользуется и малой долей заслуженной славы среди английских любителей. Я имею в виду дело банковского курьера, который был убит среди бела дня, когда нес мешок с деньгами, на повороте с Хай-стрит, одной из наиболее оживленных улиц в Европе; убийца до сих пор не найден.

Sed fugit interea, fugit irreparabile tempus,
Singula dum capti circumvectamur amore.

[Но меж тем бежит время, бежит невозвратно, и нас, пленных, кружит в водовороте любовь (лат.).]

А теперь, джентльмены, позвольте мне вновь и торжественно отвергнуть со своей стороны все претензии на роль профессионала. Я никогда в жизни не покушался на кровопролитие, за исключением одной-единственной попытки, каковую я предпринял в 1801 году, избрав жертвой кота; однако на деле из моих намерений вышло нечто совсем противоположное. Целью моей, сознаюсь, было откровенное и недвусмысленное убийство. «Semper ego auditor tantum, – спросил я, – nunquamne heronam?» [«Неужели мне быть только слушателем и никогда не отвечать?» (лат.)]. И сошел вниз в поисках Тома в первом часу темной ночи, являя собою настоящего убийцу, телом и душой. Но кота я застал за воровством в кладовой, откуда он пытался утащить хлеб и другие съестные припасы. Это придало делу новый поворот: в то время ощущалась повсеместная нехватка еды, и даже христиане принуждены были питаться картофельными и рисовыми лепешками, а то и чем похуже; следственно, со стороны кота посягательство на чистый пшеничный хлеб являлось актом государственной измены. Исполнение смертного приговора вмиг сделалось патриотическим долгом. Высоко воздев сверкающую сталь и потрясая ею в воздухе, я вообразил себя выступающим, подобно Бруту, в блеске славы, из толпы патриотов; а поразив преступника, я

Громко к Туллию воззвал,
Приветствуя отца моей страны!

С тех пор, когда бы ни возникали у меня смутные побуждения лишить жизни одряхлевшую овцу, престарелую курицу и прочую «мелкую дичь», эти стремления заперты в тайниках моей души; что же до высших сфер нашего искусства, тут я расписываюсь в полнейшей своей несостоятельности. Мое тщеславие не возносится столь высоко. Нет, джентльмены, говоря словами Горация⁹³:

⁹³ Квинт Гораций Флакк (65–8 гг. до н. э.) – римский поэт, входил в кружок поэтов, находившихся под покровительством

Fungar vice cotis, acutum
Reddere quae ferrum valet, exsors ipsa secandi.

[Я стану играть роль точильного камня,
Который, хоть не может сам резать, может вернуть мечу остроту (*лат.*).]

Добавление к лекции «Убийство как одно из изящных искусств»

Немало лет тому назад я, как припомнит читатель, выступил в качестве *любителя* убийства. «*Любитель*», пожалуй, слишком сильное определение: термин «*знаток*» более приурочен к придирчивым требованиям непостоянного общественного вкуса. Быть знатоком – неужели даже в этом таится какая-либо опасность? Столкнувшись с убийством, человек не обязан зажимать глаза, затыкать уши и прятать свое разумение в карман. Если только он не повергнут в безнадежно коматозное состояние⁹⁴

---

⁹⁴ *Коматозное состояние* – угрожающее жизни состояние, характеризующееся полной утратой сознания, нарушением дыхания, отсутствием рефлексов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.